

Большие перемены начинаются с малого

КЭТРИН СТОКЕТТ

Прислуга

Совершенно невероятная книга! Потому что казалось – об этом больше не пишут. И главное, ТАК больше не пишут. Начинаешь читать и с первых же страниц понимаешь, как соскучился по такому письму – простому, но в этой простоте глубокому и значительному. А какие характеры!

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

Роман переведен более, чем на 40 языков

Кэтрин Стокетт

Прислуга

«Фантом Пресс»

2009

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Стокетт К.

Прислуга / К. Стокетт — «Фантом Пресс», 2009

ISBN 978-5-86471-732-5

Американский Юг, на дворе 1960-е годы. Скитер только-только закончила университет и возвращается домой, в сонный городок Джексон, где никогда ничего не происходит. Она мечтает стать писательницей, вырваться в большой мир. Но приличной девушке с Юга не пристало тешиться столь глупыми иллюзиями, приличной девушке следует выйти замуж и хлопотать по дому. Мудрая Эйбилин на тридцать лет старше Скитер, она прислуживает в домах белых всю свою жизнь, вынянчила семнадцать детей и давно уже ничего не ждет от жизни, ибо сердце ее разбито после смерти единственного сына. Минни – самая лучшая стряпуха во всем Джексоне, а еще она самая дерзкая служанка в городе. И острый язык не раз уже сослужил ей плохую службу. На одном месте Минни никогда подолгу не задерживается. Но с Минни лучше не связываться даже самым высокомерным белым дамочкам. Двух черных служанок и белую неопытную девушку объединяет одно – обостренное чувство справедливости и желание хоть как-то изменить порядок вещей. Смогут ли эти трое противостоять целому миру? Сумеют ли они выжить в этой борьбе? В 2011 году роман был экранизирован, и фильм «Прислуга» стал одним из главных событий киносеzona 2011–2012, номинирован на 4 премии «Оскар» и очень тепло принят зрителями. Сценарий написала сама Кэтрин Стокетт, а снял фильм режиссер Тэйт Тейлор. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-86471-732-5

© Стокетт К., 2009
© Фантом Пресс, 2009

Содержание

Эйбилин	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Минни	26
Глава 3	26
Глава 4	37
Мисс Скитер	41
Глава 5	41
Глава 6	52
Эйбилин	65
Глава 7	65
Мисс Скитер	75
Глава 8	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Кэтрин Стокетт

Прислуга. Роман

Моему дедушке Стокетту, лучшему на свете рассказчику

Эйблин

Глава 1

Август 1962

Мэй Мобли родилась ранним воскресным утром в августе 1960-го. Церковное дитя, как говорится. Я белых детишек нянчу, а еще готовлю и прибираюсь в доме. За свою жизнь уже семнадцать деток вынянчила. Я умею укладывать их спать, успокаивать и сажать на горшок поутру, пока мамочка еще нежится в постели.

И отродясь я не видала ребенка, который орал бы, как Мэй Мобли Лифолт. Когда я первый раз переступила порог, она аж заходила вся, красная – видать, животик болит – и бутылочку отшвыривала, как гнилую репу. Мисс Лифолт, та в ужасе глядела на собственное дитя: «Что я не так делаю? Почему никак не могу прекратить это?»

Это? Первый намек был: что-то здесь не так. И я взяла этого розового вопящего младенца на руки, покачала на коленях, чтобы газики отошли. И пары минут не прошло, как Малышка затихла и заулыбалась мне. Но мисс Лифолт, она за весь день так и не взяла на руки своего ребеночка. Я-то повидала женщин, что впадали в тоску после родов. Вот и подумала, что это тот самый случай.

Теперь насчет мисс Лифолт. Она не только хмурая вечно, она еще и худющая, что твой скелет. Ножки у нее такие тощие, будто отросли только на прошлой неделе. Двадцать три года, а долговязая, как четырнадцатилетний пацан. Даже каштановые волосы и те тонюсенькие да редкие. Она их пробует начесывать, но это ж просто смех. А лицо у нее точь-в-точь как у красного чертика, что на жестянке с коричневыми конфетками, – острый подбородок, и все. У нее все тело, вообще-то, состоит из острых выступов и углов, неудивительно, что не может утешить ребеночка. Детки любят толстых. Чтобы зарыться мордашкой вам в подмышку и заснуть. Уж я-то знаю.

К тому времени, как ей годик исполнился, Мэй Мобли меня ни на шаг не отпускала. Пробьет, бывало, пять часов, а она вцепится в мои башмаки, волочит по полу и кричит, будто я ухожу навеки. А мисс Лифолт прищурится злобно, вроде я делаю что дурное, и отдирает рыдающую крошку от моих ног. Я так думаю, вы сильно рискуете, когда допускаете чужого человека воспитывать свое дитя.

Сейчас Мэй Мобли два годика уже. У нее большущие карие глаза и кудряшки цвета меда. Дело чуть портит лысинка на затылке. А когда она сердится, между бровок у нее морщинка, как у мамы. Они вообще похожи, вот только Мэй Мобли пухленькая. Королевой красоты она не будет. Думаю, мисс Лифолт это беспокоит, но для меня Мэй Мобли особенный ребенок.

Я потеряла своего дорогого мальчика, Трилора, незадолго до того, как начала работать у мисс Лифолт. Ему было двадцать четыре. Чудесный возраст, вся жизнь впереди.

У него была своя квартирка на Фолей-стрит. Встречался с хорошей девушкой, Франсес, я ждала, что они поженятся, но он неторопливый был в таких вещах. Не потому, что искал чего получше, а просто очень был рассудительный. Он очки носил и все время читал. Даже начал писать книжку – про то, каково это быть цветным и работать в Миссисипи. Боже правый, как я им гордилась! Но как-то он работал допоздна на фабрике Сканлон-Тейлор, грузил мешки, щепки все время протыкали перчатки. Он был слишком маленький для этого дела, слишком хрупкий, но ему очень нужна была работа. Устал. Шел дождь. Он поскользнулся на мостках

и упал прямо на дорогу. Водитель тягача его не заметил и раздавил ему легкие, прежде чем мальчик успел двинуться. Когда я все узнала, он был уже мертв.

В тот день мой мир почернел. Воздух стал черным, и солнце – черным. Я лежала на кровати и смотрела на черный потолок. Минни приходила каждый день проверить, дышу ли я еще, кормила меня, чтоб не померла. Три месяца прошло, прежде чем я глянула в окно, посмотреть, там ли еще весь остальной мир. Как же я удивилась, что мир не рухнул, когда мой мальчик погиб. Через пять месяцев после похорон я заставила себя встать с кровати. Надела белую униформу, повесила на шею маленький золотой крестик и отправилась с визитом к мисс Лифолт, потому что та только-только родила малышку дочь. Но вскоре я заметила, что кое-что во мне изменилось. Горькое зерно поселилось внутри. И я больше не принимаю жизнь так покорно.

– Приведите дом в порядок, а потом приготовьте салат из цыпленка, – приказывает мисс Лифолт.

Сегодня у нее бридж. Каждую четвертую среду месяца. Я уже все приготовила – утром сделала салат из цыпленка, а скатерти выгладила еще вчера. Мисс Лифолт это видела. Но ей двадцать три, и ей нравится слышать свой голос, когда она указывает мне, что делать.

Она уже в голубом платье, что я гладила утром, у которого *шестьдесят пять* складок на талии, таких тонких, что мне пришлось нацепить очки, чтобы их разглядеть. Я мало что в жизни ненавижу, кроме себя, но про это платье *ничего* доброго сказать не могу.

– И проследите, чтобы Мэй Мобли к нам не входила, строго-настрого. Я на нее очень сердита – разорвала мою лучшую бумагу на пять тысяч кусочков, а мне нужно написать пятнадцать благодарственных писем для Молодежной лиги...

Я приготовила всякую всячину для ее подружек. Достала красивые бокалы, разложила столовое серебро. Мисс Лифолт не ставит маленький карточный столик, как другие дамы. У нас сидят за обеденным столом. Стелется скатерть, чтобы скрыть большую царапину в форме буквы «л», на комодке ваза с красными цветами прикрывает обшарпанность полировки. Мисс Лифолт, она любит, чтобы все было изящно, когда устраивает прием. Может, старается изобразить, какой у нее солидный дом. Они ведь не слишком богаты, я знаю. Богатые-то так из кожи вон не лезут.

Я работала в молодых семьях, но, так думаю, это самый маленький домишко из тех, где я нянчила деток. Вот, к примеру. Их с мистером Лифолтом спальня приличного размера, но комната Малышки совсем крохотная. Столовая – она же и гостиная. Ваннх комнат только две, что облегчает жизнь, потому что в тех домах, где я работала прежде, бывало по пять и шесть. Целый день уходил только на то, чтоб отмыть туалеты. Домик хотя и маленький, мисс Лифолт старается сделать его уютным. Она неплохо управляет со швейной машинкой. Если не может купить что-то новое, просто берет синюю, к примеру, материю и шьет. Мисс Лифолт платит девяносто пять центов в час, мне уж много лет так мало не платили. Но после смерти Трилора я согласна была на все. Домовладелец не мог больше ждать.

В дверь звонят, я иду открывать.

– Привет, Эйбилин, – говорит мисс Скитер¹, она из тех, что разговаривают с прислугой. – Как поживаете?

– Здравсьте, мисс Скитер. Все хорошо. Боже, ну и жара на улице.

Мисс Скитер очень высокая и худая. Волосы у нее светлые и короткие, она круглый год делает завивку. Ей года двадцать три или около того, как мисс Лифолт и остальным. Она кладет сумочку на стул, делает такое движение, будто почесывается под одеждой. На ней белая кружевная блузка, застегнутая, как у монашки, туфли на плоской подошве, думаю, чтоб не

¹ Skeeter (амер.) – комарик, москит. – *Здесь и далее примеч. перев.*

казаться выше. Синяя юбка с вырезом на талии. Мисс Скитер всегда выглядит так, словно кто-то ей подсказывает, что носить.

Слышу, как подъехали мисс Хилли и ее мама, мисс Уолтер, они сигналият у тротуара. Мисс Хилли живет в десяти футах, но всегда приезжает на машине. Открываю ей дверь, она проходит мимо, а я думаю, что пора бы разбудить Мэй Мобли.

Вхожу в детскую, а Мэй Мобли улыбается и тянет ко мне пухленькие ручонки.

– Уже проснулась, Малышка? А что же меня не позвала?

Она смеется и выплясывает веселую джигу, дожидаясь, пока я достану ее из кровати. Обнимаю ее крепко-крепко. Думаю, когда я ухожу домой, ей не так уж много достается объятий. Частенько прихожу на работу, она ревет в своей кровати, а мисс Лифолт стрекочет на машинке, недовольно закатывая глаза, как будто это бездомная кошка за окном орет. Мисс Лифолт, она всегда хорошо одета. Всегда накрашена, у нее есть гараж, двухкамерный холодильник, который даже делает лед. Если встретите ее в бакалейной лавке, ни за что не подумаете, что она может вот так уйти и оставить ребеночка плакать в колыбельке. Но прислуга всегда все знает.

Сегодня хороший день. Девчушка смеется.

Я говорю:

– Эйбилин.

А она мне:

– Эйбии.

Я:

– Любит.

И она повторяет:

– Любит.

Я ей:

– Мэй Мобли.

Она мне лепечет:

– Эйбии.

А потом хохочет и хохочет. Так ее забавляет, что она разговаривает, скажу вам, да и пора бы уж, возраст подошел. Трилор тоже до двух лет не разговаривал. Но зато к тому времени, как пошел в третий класс, он говорил лучше, чем президент Соединенных Штатов, приходил домой и выдавал всякие слова, навроде *объединение* и *парламентский*. Когда он перешел в среднюю школу, мы играли в такую игру: я давала ему простое слово, а он придумывал замысловатое название. Я, к примеру, говорила: *домашняя кошка*, а он – *животное из семейства кошачьих домашнего размера*, я говорила: *миксер*, а он – *вращающаяся ротонда*. Как-то раз я сказала: «Криско»². Он почесал голову. Поверить не мог, что я выиграла таким простым словом, как «Криско». Это стало у нас секретной шуткой, означало что-то, что вы никак не можете ни описать, ни приспособить к делу, как бы ни старались. Папашу его мы начали называть «Криско», потому что невозможно представить себе мужика, сбежавшего из семьи. Вдобавок он самый подлый неплательщик на свете.

Я перенесла Мэй Мобли в кухню, усадила в высокий стульчик, думая о двух поручениях, которые надо закончить сегодня, пока мисс Лифолт не разгневалась, – отобрать негодные салфетки и привести в порядок серебро в буфете. Боже правый, похоже, придется заняться этим, пока дамы в гостиной.

Несу в столовую блюдо с фаршированными яйцами под майонезом. Мисс Лифолт сидит во главе стола, слева от нее мисс Хилли Холбрук и матушка мисс Хилли, мисс Уолтер, с которой мисс Хилли обращается вовсе без уважения. А справа от мисс Лифолт – мисс Скитер.

² Консервированный жир-разрыхлитель для выпечки, на основе хлопкового масла.

Обношу гостей, начиная с мисс Уолтер, как самой старшей. В доме тепло, но она набросила на плечи толстый коричневый свитер. Старушка берет яйцо с блюда и едва не роняет его, потому что руки дрожат. Я перехожу к мисс Хилли, та улыбается и берет сразу два. У мисс Хилли круглое лицо и темно-каштановые волосы, собранные в «улей». Кожа у нее оливкового цвета, в веснушках и родинках. Носит она чаще всего шотландку. И задница у нее тяжеловата. Сегодня, по случаю жары, она в красном свободном платье без рукавов. Она из тех женщин, что одеваются, как маленькие девочки, со всякими шляпками и прочим. Не больно-то она мне нравится.

Перехожу к мисс Скитер, но она, наморщив носик, отказывается: «Нет, спасибо». Потому что не ест яйца. Я все время твержу мисс Лифолт, что у нее тут бридж-клуб, а она все равно заставляет меня готовить эти яйца. Бойтся разочаровать мисс Хилли.

Наконец, добираюсь до мисс Лифолт. Она хозяйка, поэтому получает свою закуску последней. И тут же мисс Хилли говорит: «Если вы не возражаете...» – и подхватывает еще парочку яиц, что меня вовсе не удивляет.

– Угадайте, кого я встретила в салоне красоты? – обращается к дамам мисс Хилли.

– И кого же? – интересуется мисс Лифолт.

– Селию Фут. И знаете, что она спросила? Не может ли она помочь с Праздником в этом году.

– Отлично, – замечает мисс Скитер. – Нам это пригодится.

– Не все так плохо, обойдемся без нее. Я ей так и сказала: «Селия, чтобы участвовать, вы должны быть членом Лиги или активно сочувствующей». Что она себе думает? Что Лига Джексона открыта для всех?

– А разве мы в этом году не привлекаем нечленов? Праздник ведь предстоит грандиозный? – удивляется мисс Скитер.

– Ну да, – говорит мисс Хилли. – Но *ей* я об этом сообщать не собиралась.

– Поверить не могу, что Джонни женился на такой вульгарной девице, – качает головой мисс Лифолт, а мисс Хилли кивает. И начинает сдавать карты.

А я раскладываю салат и сэндвичи с ветчиной и невольно слушаю их болтовню. Эти дамы обсуждают только три темы: дети, тряпки и подружки. Заслышав слово «Кеннеди», не подумайте, что речь идет о политике. Они обсуждают, в чем была мисс Джеки, когда ее показывали по телевизору.

Подхожу к мисс Уолтер, та берет только половинку сэндвича.

– Мама, – резко кричит на нее мисс Хилли, – возьми еще. Ты тощая как телеграфный столб. – Мисс Хилли смотрит на остальных. – Я ей все время твержу: если эта Минни не умеет готовить, надо уволить ее, и дело с концом.

Я тут же наостряю уши. Она говорит о прислуге. А Минни – моя лучшая подруга.

– Минни прекрасно готовит, – возражает мисс Уолтер. – Просто я не так голодна, как бывала прежде.

Минни, поди, лучшая стряпуха в округе Хиндс, а может, и во всем штате Миссисипи. Осенью будет Праздник Молодежной лиги, и они попросили ее испечь десять тортов с карамелью для аукциона. Она, пожалуй, самая известная из прислуги в нашем штате. Проблема в том, что Минни не может держать рот на замке. Уж слишком она любит дерзить. То наругает белому менеджеру в бакалее, то с мужем поскандалит, и вечно дерзит белым дамам, у которых служит. У мисс Уолтер она задержалась так долго только потому, что та глуха как тетерев.

– Я считаю, что ты недоедаешь, мама, – не унимается мисс Хилли. – Эта Минни плохо тебя кормит, чтобы прикарманить последние ценности, что остались. – Она отодвигает стул: – Пойду припудрю носик. Вот увидите, мама умрет от голода.

Когда мисс Хилли уходит, мисс Уолтер бормочет себе под нос:

– Держу пари, ты только обрадуешься.

Все делают вид, будто ничего не слышали. Надо бы позвонить сегодня вечерком Минни, рассказать, что тут заявляла мисс Хилли.

В кухне Малышка сидит в своем стульчике, вся мордашка перемазана черничным соком. Я вхожу, и она тут же начинает улыбаться. Она не шумит, не хнычет, когда остается одна, но я ужас как не люблю оставлять ее надолго. Знаю, что она глаз не сводит с двери, пока я не вернусь.

Глажу ее по пушистой головке и снова выхожу – подать холодный чай. Мисс Хилли уже сидит на своем месте, вся скривилась – опять чем-то недовольна.

– О, Хилли, тебе лучше было бы воспользоваться гостевой ванной комнатой, – говорит мисс Лифолт, перебирая карты. – В задней части дома Эйбилин убирает только после обеда.

Хилли вздергивает подбородок. А потом издает свое многозначительное «А-ха-мм». Она так вроде откашливается, привлекает к себе внимание, а остальные невольно подчиняются.

– Но гостевой ванной пользуется прислуга, – замечает мисс Хилли.

Сначала все молчат. Потом мисс Уолтер кивает, будто сейчас все стало понятно:

– Она расстроена, что негритоска пользуется той же ванной комнатой, что и мы.

Боже, только не это дерьмо снова. Они все уставились на меня, глядят, как я перебираю серебро на буфете, и я понимаю, что пора уходить. Но прежде чем я положила на место последнюю ложку, мисс Лифолт распоряжается:

– Принесите еще чаю, Эйбилин.

Подчиняюсь, хотя чашки у них полны до краев.

Потом с минуту слоняюсь по кухне, хотя делать мне там уже нечего. Надо бы вернуться в столовую, закончить с серебром. И салфетки нужно разобрать обязательно сегодня, но они в комодке, что стоит в холле, как раз напротив стола, где они сидят. Я не намерена торчать тут допоздна только потому, что мисс Лифолт играет в карты.

Жду еще несколько минут, протирая столы. Даю Малышке еще кусочек ветчины, и она с радостью все съедает. В конце концов выскальзываю в холл, мысленно молясь, чтоб не попасться им на глаза.

Они сидят, все четверо, – в одной руке сигарета, в другой – карты.

– Элизабет, если бы у тебя был выбор, – слышу голос мисс Хилли, – неужели ты не предпочла бы, чтобы они делали свои дела вне дома?

Я тихонечко выдвигаю ящик комодка, волнуясь, как бы мисс Лифолт меня не заметила, и не очень прислушиваясь к тому, что они говорят. Эти разговоры для меня не новость. Повсюду в городе есть туалеты для цветных, и во многих домах тоже. Но тут я вижу, что мисс Скитер меня заметила, и замираю – ох, не было бы у меня неприятностей.

– Черви, – объявляет мисс Уолтер.

– Не знаю... – Мисс Лифолт хмурится, разглядывая свои карты. – Рэйли только начинает дело, а до уплаты налогов еще шесть месяцев... обстоятельства у нас сейчас сложные.

Мисс Хилли говорит медленно, аккуратно, словно торт глазурью покрывает:

– Ты должна сказать Рэйли, что каждый пенни, который он потратит на эту ванную, он с лихвой возместит при продаже дома, – и кивает, словно сама с собой соглашается. – Ну что это за дома они строят, без уборной для прислуги? Это же просто опасно. Всем известно, что у них совсем другие заболевания, не такие, как у нас. Удваиваю.

Достаю стопку салфеток. Интересно, что мисс Лифолт на это скажет. Она же мой босс. Каждый, поди, хотел бы знать, что его босс о нем думает.

– Было бы неплохо, – говорит мисс Лифолт, затягиваясь сигареткой, – если бы она не пользовалась туалетом в доме. Три пики.

– Вот поэтому я и выдвинула «Инициативу по обеспечению домашней прислуги отдельным санузлом», – объявляет мисс Хилли. – Как средство профилактики заболеваний.

Удивительно, но горло у меня сжимается. Стыдно, я ведь давным-давно научилась подавлять чувства.

Мисс Скитер явно озадачена:

– Инициативу... что это такое?

– Закон, согласно которому в каждом белом доме должна быть отдельная уборная для цветной прислуги. Я даже уведомила об этом главного санитарного врача Миссисипи. Надеюсь, что он одобрит идею. Я – пас.

Мисс Скитер мрачно смотрит на мисс Хилли. Кладет карты рубашкой вверх и небрежно так произносит:

– Может, мы просто построим отдельную ванную для тебя, Хилли.

Господи, вот тут-то все по-настоящему затихли.

Мисс Хилли говорит:

– Не думаю, что тебе следует шутить по поводу расовой проблемы. По крайней мере, если хочешь остаться на посту редактора Лиги, Скитер Фелан.

Мисс Скитер усмехается, но видно, что ей совсем не смешно.

– Ты что... намерена вышвырнуть меня вон? За несогласие с тобой?

Мисс Хилли поднимает бровь:

– Я сделаю то, что должна, для защиты нашего города. Твой ход, мама.

Я возвращаюсь в кухню и не показываюсь оттуда, пока не слышу, что за мисс Хилли закрылась дверь.

Убедившись, что мисс Хилли ушла, я сажаю Мэй Мобли в манеж и выношу мусорное ведро на улицу, потому что мусоровоз должен сегодня приехать. Мисс Хилли и ее сумасшедшая мамаша едва не наезжают на меня своей машиной, а потом радостно вопят, что, мол, извиняются. Спасибо, что ноги не переломали.

Когда я вхожу в кухню, мисс Скитер уже там. Прислонилась к столу, лицо серьезное, даже серьезнее, чем обычно.

– Привет, мисс Скитер. Угостить вас чем-нибудь?

Она смотрит, как мисс Лифолт разговаривает с мисс Хилли через окошко машины.

– Нет, я просто... жду.

Я вытираю поднос, украдкой бросаю взгляд на нее, она все еще с тревогой смотрит в окно. Она не похожа на других белых дам, высокая такая. И скулы у нее очень высокие. Голубые глаза всегда опущены, и потому вид у нее застенчивый. В кухне тихо, только радио на столике работает, церковная станция. Шла бы она отсюда, что ли.

– Это проповедь отца Грина передают?

– Да, мэм.

Мисс Скитер чуть улыбается:

– Как это напоминает мне мою нянюшку.

– О, я знакома с Константайн, – говорю я.

Мисс Скитер отворачивается от окна, смотрит на меня:

– Она меня вырастила, знаете?

Я киваю, жалея, что вообще открыла рот. Уж слишком много мне известно об этом деле.

– Я пыталась раздобыть адрес ее семьи в Чикаго, – продолжает она. – Но никто не мог ничего сообщить.

– Я тоже ничего не знаю, мэм.

Мисс Скитер опять переводит взгляд за окно, на «бьюик» мисс Хилли, едва заметно качает головой:

– Эйбилин, говорят, что... То есть Хилли говорит...

Я беру кофейную чашечку, принимаюсь протирать ее.

– А вы никогда не хотели... изменить это все?

И я не сдержалась. Посмотрела на нее. Потому как в жизни не слыхала более глупого вопроса. Она так сморщилась, прямо с отвращением, вроде как насыпала в кофе соли вместо сахара.

– О нет, мэм, все замечательно.

Я опять занялась посудой, так что она не видела, как я закатила глаза.

– Но эти разговоры, насчет *уборной*... – И замолкает на этом самом слове, потому как в кухню входит мисс Лифолт.

– Привет, Скитер. – Она довольно странно глядит на нас обеих. – Простите, я... вам помешала?

Мы, наверное, обе подумали, не слышала ли она чего.

– Я должна бежать, – говорит тут мисс Скитер. – До завтра, Элизабет. – Открывает черный ход, оглядывается: – Спасибо за обед, Эйбилин. – И уходит.

Я иду в столовую и принимаюсь убирать со стола. Как я и думала, мисс Лифолт появляется следом, со своей печальной улыбочкой. Голову склонила так, будто о чем спросить хочет. Она не любит, чтоб я с ее подружками разговоры разговаривала, когда ее поблизости нет, никогда этого не любила. Вечно хотела знать, кто что говорит. Я прошла в кухню, чуть ее не задев. Посадила Малышку в высокий стульчик и начала духовку чистить.

Мисс Лифолт опять за мной, углядела банку «Криско», повертела и поставила. Малышка тянет ручонки к маме, но та открывает буфет и делает вид, будто не замечает. Потом захлопывает дверцу, открывает другую. В конце концов останавливается. Я себе стою на четвереньках. Голову засунула в духовку, будто хочу газом отравиться.

– Вы с мисс Скитер, кажется, говорили о чем-то очень серьезном.

– Нет, мэм, она просто... спрашивала, не нужна ли мне какая поношенная одежда, – отвечаю я, словно из колодца.

Руки все в жирной саже. И пахнет тут, как в подмышке. Вскороости и пот побежал по носу, и каждый раз, как стираю его, оставляю на лице грязное пятно. Должно быть, здесь, в духовке, самое гадкое место на свете. Когда внутри, непонятно, то ли ты ее чистишь, то ли тебя сейчас поджарят. Сегодня вечером мне чудится, что я застряну в духовке, а в это время включится газ. Но не вынимаю головы из этой жуткой дыры, потому что готова оказаться где угодно, лишь бы не отвечать на вопросы мисс Лифолт про беседу с мисс Скитер. Про то, что она спрашивала, не хочу ли я *изменить* жизнь.

Мисс Лифолт подождала-подождала, а потом фыркнула да и вышла. Видать, присматривает, где пристроить новую ванную для меня, для цветных.

Глава 2

Никогда не подумаешь, но в Джексоне, штат Миссисипи, двести тысяч жителей. Я увидела это число в газете и подивилась, где же прячутся все эти люди? Под землей? На своей стороне реки я почти всех знаю, и много белых семей тоже знаю, но на двести-то тысяч их точно не хватит.

Шесть дней в неделю я сажусь в автобус и еду через мост Вудро Вилсона туда, где живут мисс Лифолт и ее белые подружки, в район под названием Белхэвен. Сразу за Белхэвеном – центр города и столица штата. Здание Капитолия огромное, снаружи красивое, а внутри я никогда не была. Интересно, сколько платят за его уборку.

Дальше по дороге – белый Вудланд-Хиллс, а потом Шервудский лес, целые мили огромных дубов, поросших мхом. Там пока нет домов, но наверняка построят, когда белые надумают переезжать куда-нибудь в новое местечко. А дальше уже совсем деревня, где живет мисс Скитер – рядом со своими хлопковыми полями. Она-то не знает, а я ведь собирала там хлопок в 1931 году, во времена Депрессии, когда есть было нечего, кроме бесплатной государственной похлебки.

Так что в Джексоне белые районы один за другим, и растут они как грибы. А район, где живем мы, цветные, как большой муравейник, и окружен со всех сторон государственной землей, которая не продается. Нас становится все больше, но в стороны мы не расползаемся, просто эта часть города становится толще.

Села я в автобус номер шесть, что идет из Белхэвена до Фэриш-стрит. Сегодня автобус битком – прислуга в своей белой униформе возвращается домой. Мы болтаем, улыбаемся друг другу, будто мы здесь хозяйева, – и не потому что не опасаемся, нет ли поблизости белых, нынче-то мы, спасибо мисс Паркс³, можем сидеть где пожелаем, – просто на душе тепло.

Замечаю Минни – на заднем сиденье, прямо по центру. Минни, она маленькая и толстая, вся голова в блестящих черных кудряшках. Сидит, ноги расставила, руки скрестила. Она на семнадцать лет меня моложе. Крепкая – смогла бы, пожалуй, этот автобус поднять, если б захотела. Такой старухе, как я, повезло иметь подружку вроде Минни.

Сажусь перед ней, оборачиваюсь и принимаюсь слушать. Все любят послушать нашу Минни.

– ...Ну я и говорю, мол, мисс Уолтер, люди не хотят больше видеть вашу голую белую задницу, им больше нравится моя, черная. Так что ступайте-ка в дом и наденьте трусы. И вообще кой-какую одежду накиньте.

– Прямо на парадном крыльце? Голая? – удивляется Кики Браун.

– И задница свисает аж до колен.

Автобус грохнул, все хохочут и головами качают.

– Господи, да эта женщина ненормальная, – говорит Кики. – И везет же тебе на психов, Минни.

– А что, твоя мисс Паттерсон не такая, что ли? – не остается в долгу Минни. – Э, да она на переключке в дурдоме первой отзывается.

И опять все хохочут, теперь уже потому, что Минни никому не позволяет отзываться плохо о ее белых хозяевах. Раз она у них работает, значит, и право ругать их принадлежит только ей.

³ Роза Паркс – зачинательница движения за права чернокожих граждан США, «мать движения за гражданские права». Благодаря ее выступлениям в 1956 году Верховный суд США вынес постановление о недопустимости расовой сегрегации в общественном транспорте.

Автобус переезжает реку и делает первую остановку в цветном районе. Несколько горничных выходят. Я пересаживаюсь на освободившееся место рядом с Минни. Она улыбается и пихает меня локтем в бок, вроде как здоровается. Потом расслабленно откидывается на сиденье, передо мной-то ей не надо концерт устраивать.

– Как жизнь? Все утро разглаживала складки на юбочке?

Смеюсь и киваю:

– Полтора часа маялась.

– Чем ты кормила сегодня мисс Уолтер в своем бридж-клубе? Я все утро надрывалась, готовила этот дурацкий карамельный торт, а она в итоге не съела ни крошки.

Тут я вспоминаю, о чем сегодня толковала мисс Хилли. Будь на ее месте любая другая белая леди, мы и не волновались бы, но хочется понять, куда она гнет. Просто не знаю, как начать.

Выглядываю в окошко. Мы проезжаем мимо больницы для цветных, мимо фруктового лотка.

– Кажется, я слышала, как мисс Хилли говорила что-то насчет того, что ее мама худеет, – очень осторожно начинаю я. – Вроде как она плохо ест.

Минни поворачивается ко мне:

– Она так сказала, точно? – И злобно прищуривается. – Что еще сказала мисс Хилли?

Лучше уж скажу все.

– Думаю, у нее на тебя зуб, Минни. Ты... будь осторожна с ней.

– Это мисс Хилли следует быть осторожной со мной. Она что, хочет сказать, я не умею готовить? Этот старый мешок с костями ничего не жрет, потому что я плохо ее кормлю!

– Прости, Минни, я сказала это, только чтоб ты держалась от нее подальше...

– Если она решится вякнуть мне такое, узнает, какова Минни на вкус. – С этими словами Минни, разъяренная, выходит из автобуса.

Смотрю ей вслед, как она решительно марширует к своему дому. Мисс Хилли не из тех, с кем можно шутки шутить. Господи, может, следовало держать язык за зубами?

Пару дней спустя я выхожу из автобуса, иду к дому мисс Лифолт. Перед домом стоит старый грузовик. Внутри двое черных, один пьет кофе, а второй устроился подремать. Прохожу мимо, прямо в кухню.

Сегодня утром мистер Рэйли Лифолт дома, редкий случай. Обычно, когда он тут, вид у него такой, будто минутки считает – скорей бы обратно на свою работу. Даже по субботам. Но сегодня он чем-то рассержен.

– Это, черт побери, мой дом, и я плачу за все, что в нем, черт побери, происходит! – кричит мистер Лифолт.

Мисс Лифолт старается держаться поодаль, и на лице у нее такая улыбка, что сразу ясно – не больно-то она счастлива. Я прячусь в прачечной. Прошло уже два дня после тех разговоров об уборной, и я надеялась, что все улеглось. Мистер Лифолт открывает дверь и с грохотом опять захлопывает.

– Я мирился с новыми тряпками, чертовыми поездками в Новый Орлеан с твоими клубными подружками, но это уже переходит всякие границы!

– Но это увеличит стоимость дома. Хилли так сказала!

Я сижу в прачечной, но словно вижу, как мисс Лифолт пытается удержать улыбку на лице.

– Мы не можем себе это позволить! И мы не подчиняемся приказам Холбруков!

На миг повисает тишина. А потом я слышу *тон-тон* маленьких ножек.

– Па-почка?

Выхожу из прачечной и отправляюсь в кухню, потому что Мэй Мобли – моя обязанность.

Мистер Лифолт уже опустился на корточки перед малышкой. Улыбка у него будто резиновая.

– А знаешь что, дорогая?

Она улыбается в ответ, ждет сюрприза.

– Ты не сможешь пойти в колледж, потому что подружки твоей мамы не должны, видите ли, пользоваться тем же туалетом, что и прислуга.

Потом выходит, хлопнув дверью так громко, что Малышка от страха даже глазки зажмурила.

Мисс Лифолт поворачивается к дочке и начинает грозить пальцем:

– Мэй Мобли, ты знаешь, что не должна вылезать из кровати!

Малышка смотрит на дверь, которой шваркнул ее папочка, смотрит на маму, которая ее ругает. Маленькая моя, она, бедняжка, изо всех сил старается не плакать.

Бросаюсь к ней, мимо мисс Лифолт, подхватываю на руки и шепчу:

– Ну-ка, пойдём-ка в гостиную, посмотрим на игрушки. А как ослик говорит?

– Она все время вылезает из кровати. Сегодня утром мне пришлось трижды укладывать ее обратно.

– А это потому, что кое-кому надо поменять штанишки. Кто-то у нас опи-и-исался.

Мисс Лифолт смущенно бормочет:

– Ну, я не поняла... – Но уже глядит в окно, на грузовик.

Иду наверх. Я так разозлилась, так разозлилась. Малышка лежит в кровати с восьми вечера, конечно, ей нужно сменить штанишки! Попробовала бы мисс Лифолт терпеть двенадцать часов, когда хочется в туалет!

Сажая Малышку на пеленальный столик, стараясь скрывать свою ярость. Пока снимаю пижамку, Малышка внимательно смотрит на меня. Потом протягивает ручку и нежно трогает мои губы.

– Мэй Мо плохая, – лепечет она.

– Нет, маленькая, ты совсем не плохая. – Глажу ее по головке. – Ты хорошая. Очень хорошая.

Я живу на Гессум-авеню, снимаю здесь жилье с 1942 года. Гессум, можно сказать, имеет свое лицо. Домишки тут маленькие, но палисадники у всех разные: некоторые вытопанные, ни травинки, как стариковская лысина, а другие – засаженные кустами роз и азалии, с красивыми газончиками. Мой дворик, должна признаться, нечто среднее.

Перед домом у меня несколько кустов красных камелий. Газон с проплешинами, и до сих пор осталось большое желтое пятно, где три месяца после аварии стоял пикап Трилора. Деревьев у меня нет. Но зато задний двор выглядит как райский сад. Там моя соседка, Ида Пик, выращивает овощи.

У самой Иды двора-то толком и нет, он весь завален барахлом ее мужа – двигатели от машин, старые холодильники, шины. Он все обещает, что починит это, но ничего не делает. Я и предложила Иде похозяйничать на моем участке. Так что мне нет нужды копать и сеять, а она позволяет срывать, что нужно, экономя мне два-три доллара в неделю. Что мы не съедаем, она консервирует и одаривает меня всякими баночками на зиму. Отличная зелень, баклажаны, окра⁴ целыми бушелями, всяческие тыквы. Не представляю, как ей удастся защищать от жучков помидоры, но удается. И отличные, надо сказать, помидоры.

В тот вечер лил сильный дождь. Я достала горшочек Идиной капусты с помидорами, съела последний ломоть кукурузного хлеба. Потом занялась подсчетом финансов, потому что в последнее время случились целых две неприятности: автобусный билет подорожал до пятна-

⁴ Окра, или бамия, – однолетняя овощная культура, очень популярная в южных штатах Америки.

дцати центов и арендная плата выросла, теперь двадцать девять долларов в месяц. Я работаю на мисс Лифолт с восемью до четырех, шесть дней в неделю, кроме субботы. Каждую пятницу получаю сорок три доллара, в месяц выходит сто семьдесят два. Это означает, что после того, как заплачу за свет, воду, газ и за телефон, у меня остается тринадцать долларов пятьдесят центов на еду, одежду, парикмахерскую и пожертвования в церковь. Не говоря уж о том, что отправить по почте все эти счета стоит целый никель. А мои рабочие туфли так износились, что почти каши просят. Новая пара стоит семь долларов, так что, похоже, придется мне сидеть на капусте с помидорами, пока не превращусь в Братца Кролика. Благослови Господь Иду Пик, а то мне вообще нечего было бы есть.

Звонит телефон, и я аж подпрыгиваю от неожиданности. Не успела поздороваться, как слышу голос Минни. Она сегодня задержалась на работе.

– Мисс Хилли отправляет мисс Уолтер в дом престарелых. Мне нужно искать новую работу. И знаешь когда? На *следующей неделе*.

– О нет, Минни.

– Я уже начала, обзвонила сегодня десять дам. Ни малейшего интереса.

Не хочется говорить вслух, но я не удивлена.

– Завтра же с утра первым делом спрошу мисс Лифолт, не знает ли она, кому нужна прислуга, и...

– Погоди-ка, – обрывает меня Минни. Слышу голос мисс Уолтер и как Минни отвечает: – Я, по-вашему, кто? Шофер? Не повезу я вас в загородный клуб в проливной дождь.

Хуже всего для карьеры прислуги, помимо воровства, длинный язык. Правда, Минни такая замечательная стряпуха, что иногда это перевешивает.

– Не переживай, Минни. Мы найдем тебе кого-нибудь глухого как тетерев, вроде мисс Уолтер.

– Мисс Хилли тут уговаривает пойти к ней работать.

– Что?! – И продолжаю со всей суровостью, на которую способна: – Значит, так, Минни, я буду содержать тебя сама, но не позволю тебе работать на эту злобную ведьму.

– Ты с кем, по-твоему, разговариваешь, Эйбилин? С мартышкой? С таким же успехом я могу пойти работать на Ку-клукс-клан. И ты знаешь, я никогда не отберу работу у Юл Мэй.

– Прости бога ради. Просто я очень занервничала, когда речь зашла о мисс Хилли. Я позвоню мисс Кэролайн из «Жимолости», может, она кого-нибудь знает. И мисс Рут позвоню, она такая милая, такая жалостливая. Бывало, каждое утро прибиралась в доме, так что мне только и дел оставалось, что составлять ей компанию. Муж у нее умер от скарлатины, ох-ох-ох.

– Спасибо, Эй. А теперь давайте-ка, мисс Уолтер, съешьте фасолинку за мое здоровье. – Минни прощается и кладет трубку.

На следующее утро старый зеленый грузовик опять стоял на том же месте. Работы уже начались, но сегодня мистера Лифолта поблизости не наблюдалось. Он, наверное, понял, что проиграл битву еще до ее начала.

Мисс Лифолт сидит за кухонным столом в своем синем клетчатом халате и болтает по телефону. У Малышки вся мордашка перемазана чем-то красным, девчужка тербит маму за коленки, чтобы та на нее поглядела.

– Доброе утро, маленькая, – здороваюсь я.

– Мама! Мама! – Малышка пытается вскарабкаться мамочке на колени.

– Нет, Мэй Мобли, – спихивает ее мисс Лифолт. – Мама разговаривает по телефону. Дай маме поговорить.

– Мама, на ручки, – хнычет Мэй Мобли.

– Не-ет, – шипит мисс Лифолт.

Торопливо сгребая Малышку в охапку и ташу умыться, но она продолжает выворачиваться и звать «мама, мама», чтоб на нее обратили внимание.

– Как ты мне и советовала сказать, – кивает мисс Лифолт телефонной трубке. – Когда мы соберемся переезжать, это увеличит стоимость дома.

– Ну-ка, маленькая, давай сюда ручки, в водичку.

Но Малышка вырывается. Пытаюсь намылить ей пальчики, а она вертится туда-сюда, ужом вьется у меня в руках. Выскальзывает, бежит к матери и, вскинув подбородок, дергает телефонный провод изо всех своих силенок. Трубка вылетает из руки мисс Лифолт и с грохотом падает на пол.

– Мэй Мобли! – сердито говорю я.

Бросаюсь к ней, но мисс Лифолт успевает раньше. Губы изогнуты в жуткой улыбке. Шлепок по голым ножкам такой силы, что даже я подпрыгиваю от боли.

Потом мисс Лифолт хватается Мэй Мобли за руку.

– Не смей больше трогать телефон! – отрывисто произносит она, на каждом слове дергая маленькую ручку. – Эйбилин, сколько раз повторять, чтоб вы держали ее подальше от меня, когда я говорю по телефону!

– Простите, – бормочу я, подхватываю Мэй Мобли, пытаюсь обнять, но она орет во весь голос, личико багровое, и принимается вдобавок колотить меня. – Успокойся, маленькая, все хорошо, все...

Мэй Мобли кричит еще громче и – *бац!* – стучает меня кулачком прямо по уху.

Мисс Лифолт вопит, указывая на дверь:

– Эйбилин, убирайтесь отсюда, обе!

Уношу девочку из кухни. Я так жутко разозлилась на мисс Лифолт, что даже язык прикусила. Если бы эта дура хоть немножко внимания уделила собственному ребенку, ничего бы и не случилось! В комнате малышки я усаживаюсь в кресло-качалку. Мэй Мобли рыдает мне в плечо, а я поглаживаю бедняжку по спинке, радуясь, что она не видит сейчас моего лица. Не хочу, чтоб она подумала, будто это я на нее так разозлилась.

– Успокоилась, детка? – шепчу я.

Ухо еще побаливает от ее крошечного кулачка. Как я рада, что она стукнула меня, а не свою мамочку, а то не знаю, что бы эта женщина с ней сотворила. Опускаю взгляд и вижу красный отпечаток ладони на голой ножке.

– Я здесь, маленькая, Эйби с тобой. – Покачиваюсь и поглаживаю, покачиваюсь и поглаживаю.

Но Малышка все плачет и плачет.

К полудню, когда начинается мой сериал по телевизору, во дворе под навесом становится тихо. Мэй Мобли сидит у меня на коленях, помогает чистить фасоль. Она все еще немножко нервничает после утреннего. Я, наверное, тоже, но я-то затолкала свои чувства поглубже, где о них можно не беспокоиться.

Мы идем в кухню, и я готовлю Малышке сэндвич с колбасой. Рабочие на улице устраиваются перекусить в своем грузовике. Все, слава богу, мирно. Улыбаюсь Малышке, протягиваю ей клубничку. Как хорошо, что я оказалась рядом, когда случилась вся эта история с ее мамашей. Страшно подумать, что могло произойти, не будь меня. Она заталкивает клубнику в рот, улыбается в ответ. Думаю, она тоже так считает.

Мисс Лифолт дома нет, так что решаю позвонить Минни в дом мисс Уолтер, выяснить, не нашла ли она работу. Но только я направляюсь к телефону, как в заднюю дверь стучат. На пороге один из рабочих. Совсем уже старик. В комбинезоне поверх белой рубашки.

– Здравсьте, мэ. Можно попросить у вас водички?

– Нет проблем, – отвечаю я.

Не узнаю его. Должно быть, живет где-то в южной части города. Достаяю из буфета бумажный стаканчик. Остались со дня рождения Мэй Мобли, с нарисованными шариками. Я знаю, мисс Лифолт не понравится, если я дам ему стеклянный стакан.

Он выпивает воду залпом и возвращает стаканчик. Лицо у него очень уставшее. И в глазах какая-то тоска.

– Как дело движется? – интересуюсь я.

– Работаем. Но воды пока нет. Думаю, проложим трубу оттуда, от дороги.

– Другому парню нужно попить?

– Было бы очень любезно с вашей стороны, – кивает он, и я иду за вторым детским стаканчиком для его товарища, наполняю водой из-под крана.

Но он не сразу несет его напарнику.

– Прошу прощения, – начинает он, – но где тут... – Он переминается, рассматривает свои ботинки. – Где я мог бы... отлить?

Он поднимает голову, и с минуту мы оба молча палимся друг на друга. Забавно это все, однако. Не так, чтоб хохотать до упаду, но, знаете, когда думаешь: вот это да. В доме два туалета, еще один строится, а все равно нет места, где бы мужчина мог сделать свои дела.

Я никогда еще не оказывалась в таком положении. Молодой парень, Роберт, который прибирает двор каждые две недели, думаю, справляет нужду до прихода сюда. Но этот мужчина, он старый. Руки все в морщинах. Семьдесят лет тревог оставили много следов на его лице, оно как дорожная карта.

– Э-э... Думаю, вам лучше сходить в кусты, за домом, – слышу свой голос. Бог свидетель, многое я бы отдала, чтобы оказаться сейчас в другом месте. – Там собака, но она вас не тронет.

– Ладно, – отвечает он. – Спасибо.

И медленно он возвращается со стаканом воды для своего напарника.

Стук и земляные работы продолжаются весь оставшийся день.

А весь следующий день они стучат и копают прямо перед домом. Я не задаю мисс Лифолт никаких вопросов об этом деле, а мисс Лифолт ничего не объясняет. Только каждый час открывает заднюю дверь посмотреть, что там к чему.

В три часа шум прекращается, мужчины садятся в грузовик и уезжают. Мисс Лифолт, глядя им вслед, шумно вздыхает. Потом прыгает в машину и уезжает по своим делам, которыми обычно и занимается, когда не переживает из-за пары цветных мужиков, околачивающихся около ее дома.

Вскоре звонит телефон.

– Мисс Лиф...

– Она всем в городе рассказала, что я воровка! Поэтому я не могу найти работу! Эта стерва превратила меня в самую наглую и болтливую горничную округа Хиндс! К тому же уголовницу!

– Погоди, Минни, переведи дух...

– Сегодня утром перед работой я пошла к Ренфроу из «Платанов», так мисс Ренфроу меня едва с лестницы не спустила. Говорит, мисс Хилли ей все обо мне рассказала, мол, все уже знают, что я украли подсвечники у мисс Уолтер!

Слышу, как орет Киндра, и удивляюсь, почему это Минни уже дома. Обычно она не уходит с работы раньше четырех.

– А я ведь только вкусно кормила старуху и ухаживала за ней!

– Минни, я знаю, что ты честная женщина. Господь тому свидетель.

Голос понижается – будто пчелы в сотах жужжат:

– Когда я пришла к мисс Уолтер, мисс Хилли была уже там и попыталась всучить мне двадцать долларов. Говорит: «Возьмите. Я знаю, вы нуждаетесь». А я чуть не плюнула ей в лицо. Но не плюнула. Нет, сэр, – и она аж запыхтела, – я сделала *хуже*.

– Что ты сделала?

– Не скажу. Никому не скажу про тот пирог. Но она получила то, что заслужила!

Минни теперь причитает в полный голос, а меня охватывает ужас. Не стоит затевать опасных игр с мисс Хилли.

– Я никогда больше не найду работу, Лерой меня убьет...

Плач Киндры все громче. Минни бросает трубку, даже не попрощавшись. Не возьму в толк, что это она там толковала о пироге. Боже, зная Минни, думаю, это определенно что-то нехорошее.

Вечером я сорвала пучок салата и большой помидор в огороде Иды. Поджарила кусочек ветчины – чуть сдобрить свои сухие оладьи. Шевелюра моя уже закручена на розовые бигуди, забрызгана лаком для волос. Весь вечер я думала о Минни и беспокоилась. Надо бы выкинуть это все из головы, если собираюсь сегодня заснуть.

Сажусь за стол поужинать, включаю радио. Маленький Стиви Уандер поет «Кончики пальцев». Этому пареньку дела нет до того, что он цветной. Ему всего двенадцать, он слепой, но уже распевает по радио. Когда песня кончается, я кручу настройку, пропускаю проповедь пастора Грина и останавливаюсь на станции WBLA. Передают настоящий южный блюз.

Люблю в темноте слушать эти стонущие, тягучие звуки. Кажется, что дом полон людей. Я словно вижу их, покачивающихся в такт музыке. Когда выключаю верхний свет, представляю, что мы в «Вороне». Маленькие столики, лампы с красными абажурами. Май или июнь, тепло. Мой парень Клайд ослепительно улыбается мне и говорит: «Дорогая, хочешь выпить?» А я отвечаю: «“Блэк Мэри”, чистую», а потом смеюсь сама над собой – сижу тут в кухне, мечтаю, а сама в жизни не пробовала ничего крепче лиловой «Ниха»⁵.

Минни Мемфис⁶ поет по радио про то, что не стоит жарить постное мясо, то есть на самом-то деле про то, что любовь не длится долго. Время от времени я задумываюсь, что могла бы найти другого мужчину, кого-нибудь в нашей церкви. Проблема в том, что я люблю Господа и мужчина никогда не сможет занять такое же важное место в моей жизни. Мужчины, которые мне нравятся, обычно из тех, что сбегают сразу, как потратили все ваши денежки. Такую ошибку я уже совершила двадцать лет назад. Когда Клайд бросил меня ради дешевой бесстыжей шлюхи с Фэриш-стрит, по прозвищу Какао, я решила, что с мужчинами завязываю навсегда.

Кошачий визг за окном возвращает меня в мою холодную кухню. Выключаю радио, включаю свет и вытаскиваю из сумочки молитвенник. Мой молитвенник – это обычный синий блокнот, купленный в магазине «Бен Франклин»⁷. Пишу я карандашом, так что могу стирать, пока не получится как надо. Я начала писать молитвы еще в детстве. Когда в седьмом классе я сказала учительнице, что не смогу больше ходить в школу, потому что должна помогать маме, мисс Росс чуть не расплакалась.

– Ты самая смышленная в классе, Эйбилин, – сказала она. – И если хочешь сохранить это, единственный способ – читать *и писать* каждый день.

Вот я и начала записывать молитвы вместо того, чтобы просто произносить их. Но никто с тех пор не называл меня смышленной.

⁵ Безалкогольный напиток с фруктовым вкусом.

⁶ Знаменитая блюзовая певица и гитаристка.

⁷ Сеть магазинов, торгующих уцененными товарами.

Переворачиваю страницы своего молитвенника, смотрю, кто у меня сегодня. На этой неделе несколько раз я подумывала, не внести ли в список мисс Скитер. Не знаю даже почему. Она всегда такая милая. Ужасно любопытно, к чему все-таки она вела, когда в кухне у мисс Лифолт спросила, не хочу ли я все изменить. Не говоря уж о расспросах про Константайн, няньку, которая вырастила ее. Я знаю, что произошло между Константайн и матушкой мисс Скитер, и ни за что не расскажу ей эту историю.

Но дело-то в том, что начни я молиться за мисс Скитер, и разговор точно продолжится в следующий раз, как мы встретимся. И в следующий, и еще раз. Потому что с молитвой всегда так. Это как электричество, от нее все начинает работать. А история с туалетом – это совсем не то, о чем хочется беседовать.

Просматриваю свой список. Под номером один моя Мэй Мобли, потом идет Фанни Лу из церкви, хворающая ревматизмом. Мои сестры Инес и Мэйбл, они живут в Порт-Гибсоне, у них на двоих восемнадцать детей, и у шестерых из них грипп. Если список выходит короткий, я добавляю противного вонючего белого старика, который живет за магазином, он сошел с ума, выпив гуталину. Но сегодня список довольно длинный.

Посмотрим, кого еще я в него включила. Конечно же, Бертрину Бессемер! Все знают, что мы с Бертриной не выносим друг друга с тех пор, как она обозвала меня тупой черномазой за то, что я вышла замуж за Клайда много лет назад.

– Минни, – спросила я в прошлое воскресенье, – почему Бертрина попросила *меня* молиться за нее?

Мы как раз шли домой после дневной службы. Минни и говорит:

– Ходят слухи, что твои молитвы имеют силу, результат получается лучше, чем в прочих случаях.

– Как это?

– Эвдора Грин, помнишь, она ногу сломала, ты за нее помолилась, и уже через неделю она ходила. А Исайя упал с грузовика с хлопком, в тот же вечер ты за него помолилась, и на следующий день он вернулся на работу.

Слушая ее, я думала, почему же я не молилась за Трилора. Может, поэтому Господь и забрал его так быстро. Не хотел спорить со мной.

– Снафф Вашингтон, – продолжала Минни. – Лолли Джексон – черт, Лолли попала в твой список и через два дня встала с инвалидного кресла, как будто ее Иисус коснулся. Всем в округе Хиндс об этом известно.

– Но я тут ни при чем. Это просто молитва.

– Но Бертрина... – Минни расхохоталась и говорит: – Помнишь Какао, с которой Клайд сбежал?

– Пффф. Знаешь ведь, никогда ее не забуду.

– Через неделю после того, как Клайд тебя бросил, я услышала, что Какао проснулась как-то утром, а пиписка у нее словно тухлая устрица. Три месяца вылечиться не могла. Так Бертрина – лучшая подружка Какао этой. Она-то уж *знает*, что твоя молитва действует.

У меня аж челюсть отвалилась. Почему же она раньше молчала?

– Ты что, хочешь сказать, люди думают, будто я пользуюсь черной магией?

– Я знала, что ты начнешь волноваться, если тебе рассказать. Просто люди думают, что у тебя связь с Ним поближе, чем у прочих. Мы все на прямой линии с Господом, но ты – ты говоришь ему прямо на ухо.

На плите зашумел чайник, возвращая меня к реальности. Что ж, наверно, надо решиться и внести мисс Скитер в список, но не знаю, как начать. Это ведь будет напоминать о том, о чем я думать не хочу, – что мисс Лифолт строит для меня отдельную уборную, потому что считает, будто я заразная. А мисс Скитер спрашивает, не хочу ли я все изменить, как будто изменить Джексон, штат Миссисипи, – это то же самое, что заменить электрическую лампочку.

Чищу я фасоль в кухне у мисс Лифолт, а тут звонит телефон. Хорошо бы это Минни, скажет, что нашла кое-что. Я уже обзвонила всех, кого знала, и все мне ответили одно и то же: «Нам не нужна прислуга». Но на самом деле они имели в виду «Нам не нужна *Минни*».

Хотя в последний раз Минни отработала три дня назад, вчера вечером мисс Уолтер позвонила ей потихоньку, попросила прийти сегодня, потому что в доме-де стало слишком пусто, да и почти всю мебель мисс Хилли уже вывезла. Я так и не знаю, что произошло у Минни с мисс Хилли. И пожалуй, знать не хочу.

– Резиденция Лифолт.

– Э-э, здарсьте. Это... – Дама запнулась, откашлялась. – Здравствуйте. Можно... Могу я говорить с Элизабет Лифолт?

– Мисс Лифолт сейчас нет дома. Что-нибудь передать ей?

– О! – восклицает она, хотя переживать так совершенно не из-за чего.

– Могу я узнать, кто звонит?

– Это... Селия Фут. Муж дал мне этот номер, я лично не знакома с Элизабет, но... он сказал, она все знает про Праздник и Женскую лигу.

Это имя мне знакомо, но откуда – сразу не припомню. Говор у женщины такой, будто она из глухой деревни, ну, знаете, где в башмаки сено суют вместо чулок. Но голосок приятный, писклявенький такой. Короче, не похожа она на тех леди, что здесь бывают.

– Я передам ей, что вы звонили, – говорю. – Какой у вас номер?

– Я здесь совсем недавно, и... ну... это не совсем правда, вообще-то я тут уже порядком, уж больше года. Просто никого не знаю. Я не... часто выхожу в люди.

И к чему она мне все это рассказывает? Я же прислуга, эдак болтая со мной, она себе подружек не отыщет.

– Я думала, что могу чем-нибудь помочь с Праздником, не выходя из дома, – продолжает она.

Тут я вспоминаю, кто она такая. Это о ней мисс Хилли и мисс Лифолт вечно говорят всякие гадости, потому что она вышла замуж за бывшего ухажера мисс Хилли.

– Я передам ваше сообщение. Какой, вы сказали, у вас номер?

– О, я собиралась сходить в бакалею. Что ж, пожалуй, посижу дома и подожду.

– Если она вас не застанет, она оставит сообщение вашей прислуге.

– У меня нет прислуги. Вообще-то я собиралась спросить ее и об этом тоже, не посоветует ли она кого-нибудь подходящего.

– Вы ищите прислугу?

– Да вот пытаюсь найти кого-нибудь, кто сможет ездить в округ Мэдисон.

Нет, ну вы подумайте только.

– Я знаю очень хорошую женщину. Всем известно, какая она отличная стряпуха, и за детками вашими тоже приглядит. И у нее есть своя машина, чтоб доехать до вашего дома.

– О, ну... Все же я хотела бы посоветоваться с Элизабет. Я дала вам свой номер?

– Нет, мэм, – вздыхаю я. – Диктуйте.

Мисс Лифолт ни за что не рекомендует Минни, после вранья мисс Хилли.

Она диктует:

– Миссис Джонни Фут, Эмерсон, два-шестьдесят-шесть-ноль-девять.

На всякий случай все же сообщаю:

– Ее зовут Минни, ее телефон – Лэйквуд, восемь-четыре-четыре-три-два. Записали?

Мальшка тянет меня за подол, лепечет:

– Животик болит...

Тут мне приходит в голову идея. Я говорю в сторону:

– Погодите-ка, что, мисс Лифолт? Хорошо, я ей передам. – И опять говорю прямо в трубку: – Мисс Селия, мисс Лифолт только что вошла, она говорит, что неважно себя чувствует, но чтоб вы не сомневались и позвонили Минни. Она говорит, что позвонит вам, если нужна будет помощь с Праздником.

– О! Передайте ей мое спасибо. И что я искренне надеюсь, что ей полегчает. И что она позвонит мне как-нибудь.

– Не забудьте, Минни Джексон, Лэйквуд, восемь-четыре-четыре-три-два. Постоите, что? – Протягиваю печенье Мэй Мобли, а самой так приятно от собственной хитрости. Я солгала, но нисколько не переживаю. И продолжаю: – Она говорит, чтоб вы никому не рассказывали, что она вам посоветовала Минни, потому как все ее подруги хотят ее нанять, и они очень огорчатся, если узнают, что она ее рекомендовала кому-то другому.

– Я никому не выдам ее секрет, если она не выдаст мой. Я не хочу, чтобы мой муж знал, что я наняла прислугу.

Ну, если это не идеальный случай, тогда я уж и не знаю.

Разговор закончился, и только я собираюсь набрать номер Минни, как в дверях появляется мисс Лифолт.

Да уж, незадача. Я дала этой мисс Селии домашний номер Минни, но сегодня-то Минни на работе, потому что мисс Уолтер одиноко. Она позвонит, а Лерой даст ей номер мисс Уолтер, потому что он дурак. И если на звонок мисс Селии ответит мисс Уолтер, все труды насмарку. Мисс Уолтер наверняка расскажет этой женщине все, что наплела мисс Хилли. Нужно связаться с Минни или Лероем, прежде чем это произойдет.

Мисс Лифолт направляется напрямиком к себе в спальню и, как я и думала, первым делом виснет на телефоне. Сначала звонит мисс Хилли. Потом парикмахерше. Потом звонит в магазин насчет свадебного подарка. И болтает, болтает, болтает. Как закончила, сразу выходит и спрашивает, что у нас на ужин на этой неделе. Вытаскиваю блокнот, докладываю по списку. Нет, она не хочет свиные отбивные. Она хочет, чтобы муж соблюдал диету. Она хочет говяжьё вырезку и зеленый салат. И сколько, по моему мнению, калорий в меренгах? И чтоб я не давала больше печенья Мэй Мобли, потому что та слишком толстая, и – и – и...

Господи! Эта женщина, которая слова лишнего не скажет, только «сделай то» да «пользуйся другой ванной», вдруг заговорила со мной, будто я ее лучшая подружка. Мэй Мобли выплывает у мамочки под ногами, старается, чтобы ее заметили. И только мисс Лифолт наклоняется, чтобы чуть-чуть заняться ребенком, упс! В следующий миг вылетает за дверь, потому что она позабыла, видите ли, – у нее назначено важное дело, а время уже прошло.

Так спешу набрать номер, что пальцы не успевают.

– Минни! Я нашла тебе работу. Но тебе нужно спешить к телефону...

– Она уже звонила. – Голос у Минни печальный. – Лерой дал ей номер.

– И мисс Уолтер ответила, – говорю я.

– Глухая ведь, старая жопа, а тут прямо чудо Господне, услышала телефонный звонок. Я в кухне возилась и не обратила внимания, но потом услышала свое имя. А потом Лерой позвонил, я и узнала, в чем было дело. – Голос у Минни совсем измученный, а она ведь из тех, кто никогда не устает.

– Что ж, может, мисс Уолтер не передала ей сплетни, что распускает мисс Хилли. Никогда ведь не знаешь наверняка. – Но даже я не такая дура, чтоб в это поверить.

– Даже если и так, мисс Уолтер все знает про то, как я отомстила мисс Хилли. Ты же не в курсе, какую Кошмарную Ужасность я натворила. Не хочу, чтоб ты когда-нибудь узнала. Уверена, мисс Уолтер рассказала той женщине, что я сам дьявол в юбке. – Голос звучит замогильно. Как будто магнитофонная запись на очень медленной скорости.

– Прости. Я должна была позвонить раньше, чтоб ты успела сама подойти к телефону.

– Ты сделала все, что могла. Теперь мне уже никто не поможет.

– Я помолюсь за тебя.

– Спасибо. И спасибо, что пытались мне помочь.

Заканчиваем, и я принимаюсь за уборку. Разговор с Минни меня напугал.

Она всегда была сильной женщиной, всегда боролась. После смерти Трилора она три месяца кряду каждый вечер приносила мне ужин. И каждый день приговаривала: «Ну уж нет, ты не оставишь меня одну на этой грешной земле», а скажу вам, я об этом всерьез подумывала.

Я уже и веревку приготовила, да Минни ее нашла. Веревка была Трилора, сохранилась с тех времен, когда он делал научный проект с блоками и колесами. Не знаю, решила бы я, потому что это грех против Господа, но я была не в своем уме тогда. Минни, она не стала задавать никаких вопросов, просто вытащила ее из-под кровати, бросила в мусорное ведро и вынесла на улицу. Потом вернулась и деловито так потеряла руки, будто просто прибралась, как обычно. Она вся – сама энергия, наша Минни. Но сейчас дело плохо. Не проверить ли сегодня, что у нее самой лежит под кроватью.

Ставлю на место бутылочку «Саншайн Клинер», чистящего средства, про которое дамы в телевизоре постоянно улыбаются. Надо подумать. Подходит Мэй Мобли, держится за животик и просит:

– Сделай не больно.

Утыкается личиком мне в колени. Глажу и глажу ее по волосикам, пока она почти мурлыкать не начинает – чувствует любовь от моей руки. А я все думаю про всех своих друзей, сколько они сделали для меня. И что они делают каждый день для белых женщин, на которых работают. И про боль в голосе Минни. И про Трилора, покоящегося в земле. Смотрю на Малышку и знаю, глубоко в душе, что ничего не смогу сделать, чтоб она не превратилась в такую же, как ее мама. И все это вместе обрушивается на меня. Я закрываю глаза и мысленно произношу молитву за саму себя. Но лучше от этого не становится.

Помоги, Господи, но с этим нужно что-то делать.

Малышка весь день цеплялась за мои ноги, я даже чуть не упала несколько раз. А я и не против. Мисс Лифолт с самого утра так ни слова и не сказала, ни со мной, ни с дочкой. Все строчила на своей машинке в спальне. Наверное, хочет еще что-нибудь прикрыть, что ей не нравится в доме.

Потом мы с Мэй Мобли пошли в гостиную. Мне нужно переглядеть гору рубашек мистера Лифолта, а после приготовить жаркое. Ванные я уже вымыла, белье поменяла, ковры пропылесосила. Я всегда стараюсь закончить дела пораньше, чтобы мы с Малышкой могли побыть вместе и поиграть.

Тут мисс Лифолт входит, видит, что я глажу. Она иногда так делает. Нахмурится и смотрит. А если я гляну в ее сторону, тут же поспешно улыбается. Взбивает волосы сзади немножко, чтоб выглядели попышнее.

– Эйбилин, у меня для вас сюрприз. – И широко так улыбается. Зубы, правда, не показывает, только губами улыбается. – Мы с мистером Лифолтом решили построить для вас собственную отдельную ванную комнату. – Хлопает ладошками и кивает в сторону окна: – Снаружи, в гараже.

– Да, мэм. (Где, она думает, я была все это время?)

– Итак, отныне, вместо того чтобы пользоваться гостевым туалетом, вы можете использовать собственный. Разве не замечательно?

– Да, мэм.

Продолжаю гладить. Телевизор включен, и сейчас начнется моя программа. А она стоит там и пялится на меня.

– То есть вы можете воспользоваться им прямо сейчас, понимаете?

Я на нее не смотрю. Не хочу связываться, но она не отстаёт:

– Не хотите взять бумагу и пойти туда, опробовать?

– Мисс Лифолт, мне нет нужды идти туда прямо сейчас.

Мэй Мобли тянет ручки ко мне из манежа, просит:

– Мэй Мо соку?

– Сейчас принесу тебе сок, детка, – отзываюсь я.

– О... – Мисс Лифолт нервно облизывает губы. – Но потом вы пойдете туда и будете пользоваться тем туалетом, то есть... только им, понятно?

На мисс Лифолт много косметики, густой такой, плотной. Эта желтоватая маска размазана и по губам, так что сразу и не скажешь, есть ли у нее рот. И я говорю то, что она хочет слышать:

– Отныне я буду пользоваться своим отдельным туалетом для цветных. И еще раз тщательно вымою хлоркой ванную комнату для белых.

– Ну, спешить не стоит. Это можно сделать в любое время сегодня.

Но, судя по тому, что она продолжает стоять там и теревить обручальное кольцо, она ждет, что я все сделаю прямо сейчас.

Медленно опускаю утюг, чувствуя, как прорастает в моей груди горькое зерно, поселившееся там после смерти Трилора. Не знаю, что сказать ей в ответ. Я все понимаю, но молчу. И понимаю, что она тоже не может сказать то, что хочет. И это так странно, потому что никто ничего не говорит, но мы все-таки умудряемся вести разговор.

Минни

Глава 3

Стою у задней двери дома белой леди и говорю себе: «Придержи лошадей, Минни». Придержи то, что может вылететь из твоего рта, и свой гонор тоже придержи. Ты должна выглядеть как прислуга, которая молча делает то, что ей велят. По правде говоря, я сейчас так нервничаю, что готова пообещать ни разочка в жизни больше не огрызнуться, если получу эту работу.

Рывком поддергиваю чулки – вечная проблема всех полных маленьких женщин. Еще раз повторяю, что должна сказать, а что держать при себе. Делаю шаг вперед и нажимаю кнопку звонка.

Звонок издает длинный «бим-бом», изысканный и странный для этого большого деревенского дома. Он похож на замок: серые каменные стены взмывают в небеса, тянутся влево и вправо. Лужайка со всех сторон окружена лесом. В книжках в таких лесах живут ведьмы. Которые едят маленьких детей.

Задняя дверь открывается, и передо мной появляется мисс Мэрилин Монро. Или кто-то из ее родственниц.

– Ой, привет, вы точно вовремя. Я Селия. Селия Рэй Фут.

Белая леди протягивает мне руку. А я рассматриваю ее. Может, она и похожа на Мэрилин, но определенно не готова сейчас к съемкам. Светлые волосы засыпаны мукой. Даже на накрашенных ресницах у нее мука. И розовый костюмчик в обтяжку весь в муке. Она стоит в облаке пыли, а костюмчик такой тесный, что удивительно, как она вообще может дышать.

– Да, мэм. Я Минни Джексон. – Вместо того чтоб пожать протянутую руку, я разглаживаю складочки на своей белой униформе. Не надо мне всей этой ерунды. – Вы что-то готовите?

– Пирог по рецепту из журнала, – вздыхает она. – Выходит не очень-то хорошо.

Иду за ней в дом и тут-то вижу, что меньше всего от неудачи с мукой пострадала сама мисс Селия Рэй Фут. Основной удар пришелся по кухне. Столы, двухдверный холодильник, кухонный комбайн – все покрыто ровным слоем муки толщиной в четверть дюйма. Такой беспорядок меня просто бесит. Я еще и работу не получила, а уже поглядываю на раковину и тряпки.

– Наверное, мне нужно поучиться этому, – говорит мисс Селия.

– Это уж точно, – бросаю я. И тут же прикусываю язык. «Не смей разевать пасть на эту белую леди, как на остальных. Привыкла, понимаешь, пилить старуху, пока ту не свезли в дом престарелых».

Но мисс Селия только улыбается и ополаскивает руки в раковине, забитой грязной посудой. А может, все-таки попробовать поискать глухую старуху, как мисс Уолтер? Ладно, видно будет.

– Похоже, я никак не могу приноровиться к кухонной работе, – говорит она, и даже при этом ее голливудском пришепетывании «под Мэрилин» точно могу сказать, что она из *глухой* деревни. Опускаю взгляд и замечаю, что эта дурочка вообще босиком, точно какая-нибудь белая бродяжка. Настоящие белые леди никогда не ходят босиком.

Она, наверное, моложе меня лет на десять-пятнадцать, ей двадцать два или двадцать три, и она хорошенькая, но зачем столько грима на лице? Держу пари, на ней косметики раза в два больше, чем на других белых дамах. И грудь у нее гораздо больше. Пожалуй, такая же, как у меня, только в других местах она, в отличие от меня, худенькая. Надеюсь, она любит поесть. Потому что я-то – стряпуха, потому люди меня и нанимают.

– Могу я предложить вам прохладительного? – спрашивает она. – Присаживайтесь, я принесу вам чего-нибудь.

Начинаю догадываться: здесь происходит что-то странное.

– Знаешь, Лерой, она, наверное, сумасшедшая, – сказала я, когда она позвонила три дня назад и предложила встретиться. – Потому что все в городе думают, будто я стащила серебро у мисс Уолтер. И она тоже, потому что она звонила мисс Уолтер, как раз когда я была там.

– Белые вообще чудные, – сказал Лерой. – Кто знает, может, старуха дала тебе хорошие рекомендации.

Пристально смотрю на мисс Селию Рэй Фут. Никогда в жизни белая женщина не предлагала мне присесть, не говоря уж – подать прохладительные напитки. Черт, теперь и не знаю, собирается ли вообще эта дуручка нанимать прислугу. Вдруг вытащила меня в такую даль просто из интереса?

– Может, лучше сперва осмотрим дом, мэм?

Она улыбается, будто такая мысль никогда не приходила в ее покрытую лаком для волос голову – показать дом, в котором мне предстоит прибираться.

– Ах, конечно. Пойдемте вон туда, Макси. Сначала я покажу вам парадную столовую.

– Мое имя Минни.

Может, она не глухая и не сумасшедшая. Может, просто глупая. Во мне вновь загорается надежда.

Она водила меня по этому большому роскошному старому дому и непрерывно болтала, а я слушала. Внизу десять комнат, в одной стоит чучело медведя-гризли. Зверь выглядит так, словно сожрал прошлую служанку и поджидает следующую. На стене в раме выгоревший флаг Конфедерации, а на столе – старинный серебряный пистолет с выгравированным именем «Генерал Конфедерации Джон Фут». Прапрадедушка Фут наверняка пугал своих рабов этой штукой.

В остальном все так же, как в любом приличном белом доме. Только он больше всех тех, где я бывала прежде, да полы здесь грязные, а ковры пыльные. Люди попроще, которые ничего в жизни не видели, сказали бы, что ковры вытертые, но я с первого взгляда определяю, что они старинные. Я-то в приличных домах поработала. Надеюсь, она не такая деревенщина, что у нее и пылесоса-то нет.

– Мама Джонни не разрешает мне отделать дом. Будь моя воля, я бы постелила белый ковер от стены до стены, и чтоб все в золоте, а этот старый хлам просто повыбрасывать.

– А ваша семья откуда? – спрашиваю я.

– Я из... Шугэ-Дитч. – Голос ее чуть падает.

Шугэ-Дитч – самая жалкая дыра в Миссисипи, а может, и во всех Соединенных Штатах. Это к северу, в округе Туника, почти Мемфис. Я как-то видела в газете фотографии с их лачугами. Даже белые детишки выглядели так, будто неделю ничего не ели.

Мисс Селия пытается улыбнуться и говорит:

– Я впервые нанимаю прислугу.

– Да уж, вам она точно нужна.

– Я была так рада получить рекомендации от миссис Уолтер. Она мне все о вас рассказала. Сказала, что вы готовите лучше всех в городе.

Ничего не понимаю. После всего, что я сделала с мисс Хилли прямо на глазах у мисс Уолтер?

– Она сказала... обо мне еще что-нибудь?

Но мисс Селия уже направляется к огромной винтовой лестнице. Иду за ней наверх, в длинный коридор, залитый солнечным светом. Хотя здесь две желтые спальни для девочек и две – голубая и зеленая – для мальчиков, ясно, что никаких детей тут нет. Только пыль.

– Здесь, в главном доме, у нас пять спален и пять ванных комнат. – Она указывает за окно, и я вижу большой синий бассейн, а за ним *еще один* дом. Сердце в груди гулко бухает. – А там дальше еще маленький домик, – вздыхает она.

В нынешнем положении я согласна на любую работу, но в таком большом доме должны и платить порядочно. И неважно, что дел здесь много. Работы я не боюсь.

– И когда собираетесь обзавестись детками, чтоб все эти кровати не пустовали? – Стараюсь улыбаться и выглядеть приветливо.

– О да, мы намерены иметь детей. – Она нервно покашливает. – Ну, то есть, дети – это единственное, ради чего стоит жить. – И смотрит себе под ноги.

Проходит несколько секунд, прежде чем она направляется обратно к лестнице. Я иду позади и замечаю, как она придерживается за перила, будто боится упасть.

В столовой мисс Селия качает головой:

– Здесь ужасно много работы. Все эти спальни... и полы...

– Да, мэм, дом большой, – соглашаюсь я, а сама думаю: видела бы она мой домишко с раскладушкой в коридоре и одним туалетом на шестерых, поди, сбежала бы сразу. – Но у меня много сил.

– А еще надо все серебро почистить.

Она открывает буфет размером с мою гостиную. Поправляет свечу, которая чудесно смотрится в канделябре, и я понимаю, почему на лице у хозяйки столько сомнения.

После того, как по городу распространилось вранье мисс Хилли, три женщины подряд захлопнули двери передо мной, едва услышав мое имя. Я подготовилась к удару. «Ну давайте, скажите это, леди. Скажите, что вы думаете обо мне и серебре». Я готова была расплакаться при мысли о том, как мне подошла бы эта работа и что сделала мисс Хилли, чтобы она мне не досталась. Не отвожу глаз от окна, молясь и надеясь, что на этом наша встреча не закончится.

– Знаю, эти окна жутко высокие. Я их никогда даже не пробовала помыть.

Разрешаю себе дышать. Окна – предмет беседы чертовски более приятный, чем серебро.

– Окон я не боюсь. У мисс Уолтер я их мыла сверху донизу каждые четыре недели.

– А у нее один этаж или два?

– Один, но... все равно окон много. Вы же знаете, в старых домах полно всяких уголков и закоулков.

Мы наконец возвращаемся в кухню. Уставились на стол, но ни одна не присаживается. Я так нервничаю, не зная, что она надумала, прям голова кругом.

– У вас большой красивый дом, – начинаю я. – Все в нем имеется. Но работы тут много.

Она принимает теребить кольцо на пальце:

– Наверное, у миссис Уолтер было гораздо легче, чем здесь. Ведь сейчас-то здесь только мы живем, но когда появятся дети...

– А у вас есть еще кандидаты на место прислуги?

Она вздыхает:

– Их целая куча уже приходила. Я просто не нашла пока... подходящего человека. – И косится в сторону, покусывая ногти.

Жду, пока она сама скажет, что я тоже не подхожу, но мы просто стоим, молча вдыхая рассыпанную муку. В конце концов я выкладываю последнюю карту, шепотом, потому что это все, что у меня осталось:

– Знаете, я ушла от мисс Уолтер, потому что она отправляется в дом престарелых. Она меня не увольняла.

Но она все пялится на свои босые ноги; ступни уже почернели, потому что полы не отмывали с тех пор, как она переехала в этот огромный старый грязный дом. Ясно, эта леди меня не хочет.

– Что ж, – говорит она, – я благодарна, что вы проделали такой долгий путь. Могу я хотя бы заплатить за потраченный бензин?

Подхватываю сумочку и решительно сую ее под мышку. Она одаривает меня радостной улыбкой, которую я могла бы стереть одним махом. *Будь проклята* эта Хилли Холбрук.

– Нет, мэм, нет, не стоит.

– Понимаю, было бы неплохо найти кого-нибудь, но...

Стою и слушаю, как она изображает огорчение, а сама думаю: «Давайте покончим с этим, леди, чтоб я могла сказать Лерою, что мы переезжаем на Северный полюс к Санта-Клаусу, где никто не слышал сплетен Хилли обо мне».

– ...И на вашем месте я бы тоже не захотела убирать такой огромный дом.

Смотрю на нее в упор. Эти ее извинения заходят чересчур далеко, она, понимаете ли, делает вид, что Минни не получит работу, потому что Минни *не хочет* работать.

– Когда это вы слышали, что я говорила, будто не хочу убирать этот дом?

– Но это же и так ясно, пять горничных уже сказали мне, что работы тут чересчур много.

Мои сто шестьдесят пять фунтов и пять футов роста едва не выпрыгивают из белоснежной униформы:

– Чересчур для меня?

Она растерянно моргает:

– Вы... вы возьметесь за это?

– А зачем, по-вашему, я проделала весь этот путь к черту на кулички? Просто чтобы бензин сжечь? – И тут же захопываю рот. «Только посмей все разрушить, она же предлагает тебе р-а-б-о-т-у». – Мисс Селия, я буду счастлива работать у вас.

Эта сумасшедшая смеется и бросается меня обнимать, но я тут же делаю шаг назад, давая понять, что на такое не согласна.

– Погодите, нам сначала нужно кое-что обсудить. Вы должны рассказать, по каким дням я должна здесь бывать, и... все такое. («Вроде того, сколько вы будете мне платить».)

– Ну, думаю... когда вам удобно приходить.

– У мисс Уолтер я работала с воскресенья по пятницу.

– Вы не должны появляться здесь в выходные дни. – Мисс Селия обедает еще немножко розовой краски со своего ногтя.

– Ладно. – Лучше бы работать побольше, но, может, потом она предложит мне готовить для парадного приема или что-то в этом роде. – Тогда с понедельника по пятницу. Теперь, в какое время вы хотите, чтобы я приезжала по утрам?

– А в какое время вы бы хотели приезжать?

Никогда прежде мне не предлагали такого выбора. Чувствую, как глаза слегка закатываются.

– Как насчет в восемь? Мисс Уолтер устраивало.

– Хорошо, восемь – просто замечательно. – Она как будто ждет, пока я сделаю следующий ход.

– Теперь вы должны сказать, в какое время мне заканчивать.

– А в какое время? – спрашивает Селия.

Я изумленно выпучиваю глаза:

– Мисс Селия, это вы должны мне сказать. Так полагается.

Она сглатывает, видать, ей правда нелегко. Поскорей бы покончить с этим, пока она не передумала насчет меня.

– Может, в четыре? – предлагаю я. – Я буду работать с восьми до четырех с перерывом на еду и всякое такое.

– Просто замечательно.

– А теперь... мы должны обсудить насчет оплаты, – решаюсь я, и аж пальцы на ногах начинает сводить. Должно быть, негусто они предлагают, если пять горничных уже отказались.

Мы обе молчим.

– Ну так как, мисс Селия? Сколько, ваш муж говорит, он может платить?

Она косится на кухонный комбайн, которым, держу пари, даже пользоваться не умеет.

– Джонни не знает.

– Ну ладно. Спросите сегодня вечером, сколько он хочет платить.

– Нет, Джонни не знает, что я нанимаю прислугу.

Челюсть у меня отваливается почти до груди.

– Что вы имеете в виду?

– Я ничего *не сказала* Джонни. – Голубые глаза у нее круглые точно тарелки, будто она до смерти его боится.

– А что сделает мистер Джонни, когда придет домой и обнаружит в своей кухне цветную женщину?

– Простите, я просто не могу...

– А я скажу вам, что он сделает. Возьмет пистолет и пристрелит Минни на месте, прямо на этом невымытом полу. Поэтому я ухожу.

Вот ведь дерьмо. Так и знала. Я знала, что она сумасшедшая, как только появилась на пороге...

– Я вовсе не собираюсь ему врать. Мне просто необходима помощь...

– Ну конечно, вам нужна прислуга. Последней ведь прострелили голову.

– Он никогда не приходит домой днем. Вы будете просто заниматься уборкой и учить меня готовить обед, это всего на несколько месяцев...

Мой нос учуял запах горелого. Из духовки повалил дым.

– А потом что? Через несколько месяцев вы меня уволите?

– А потом я... ему все расскажу, – обещает она, но хмурится при одной только мысли. – Пожалуйста... я хочу, чтобы он думал, будто я могу со всем справиться сама. Хочу, чтобы он думал, что я... стою таких неприятностей.

– Мисс Селия... – качаю я головой – ну надо же, уже спорю с хозяйкой, не проработав и пары минут, – кажется, ваш пирог сгорел.

Она хватается за тряпку, бежит к духовке, рывком вытаскивает пирог:

– О-ой! Да чтоб тебя!

Кладу сумочку, тихонько отодвигаю хозяйку с дороги.

– Не надо хватать горячую сковороду мокрым полотенцем.

Взяв сухую тряпку, осторожно вытягиваю наружу почерневший пирог, ставлю его на каменную подставку.

– Миссис Уолтер сказала, что вы отлично готовите... – Мисс Селия разглядывает обожженную руку.

– Старушка съедает две фасолинки и клянется, что сыта. Я не могла заставить ее нормально поесть.

– Сколько она платила вам?

– Доллар в час, – отвечаю я, а самой немного стыдно. Пять лет – и ни одной прибавки.

– Я буду платить вам два.

Чувствую, как дыхание перехватило.

– Когда мистер Джонни уходит из дома по утрам? – спрашиваю я, вытирая масло, расклевшее по столу – даже тарелку не подставила.

– В шесть. Он терпеть не может тут долго болтаться без дела. А из своей конторы возвращается около пяти.

Я быстренько прикидываю в уме, и получается, что даже за меньшее количество часов мне будут платить больше. Но если меня пристрелят, денег так и так не видать.

– Тогда лучше уходить в три. У меня будет два часа, чтобы уж точно не попасться ему на глаза.

– Хорошо, – кивает она. – Безопасность превыше всего.

Мисс Селия сует пирог в бумажный пакет и идет к выходу:

– Придется выбросить в мусорный бак, чтобы он не догадался, что я сожгла еще один.

Забираю пакет у нее из рук:

– Мистер Джонни ни о чем не догадается. Я выброшу это около своего дома.

– Ой, *спасибо!* – Мисс Селия так радуется, словно ей никто в жизни большей любезности не оказывал. В восторге стискивает кулачки и прижимает к подбородку.

А я иду к своей машине и устраиваюсь на продавленном сиденье «форда», за который Лерой все еще выплачивает своему боссу по двенадцать долларов в неделю. Долгожданное облегчение. Я все-таки нашла работу. И не нужно переезжать на Северный полюс. Надеюсь, Санта-Клаус не обидится.

– Усаживайся-ка поудобнее, Минни, потому что сейчас я расскажу тебе про правила работы в доме у белой леди.

В тот день мне исполнилось четырнадцать. Я сидела за маленьким деревянным столиком в кухне у мамы и глядела, как остывает на решетке карамельный торт, еще не покрытый глазурью. День рождения был единственным днем в году, когда мне позволялось есть сколько душе угодно.

Я заканчивала школу и собиралась пойти работать. Мама хотела, чтобы я продолжила учиться и пошла в девятый класс, – она всегда мечтала, чтобы я стала учительницей, вместо того чтобы работать в доме мисс Вудра. Но у моей сестренки были проблемы с сердцем, а папаша вечно пил, поэтому все легло на мои и мамины плечи. Работа по дому мне была знакома. После занятий в школе я и прибирала, и готовила. Но если я буду работать в чужом доме, кто же позаботится о нас?

Мама взяла меня за плечи, повернула к себе лицом, чтобы я смотрела на нее, а не на пирог. Мама была строгой. И очень правильной. Ничего ни у кого не брала. Покачала пальцем прямо перед моим лицом, так что у меня глаза сошлись к переносице.

– Когда работаешь у белой леди, Минни, правило номер один: никому ни до кого нет дела. Ты не суешь нос в проблемы белой леди и не плачешься ей на свои. Нечем платить за свет? Ноги сильно болят? Помни: белые нам не друзья. Они не хотят ничего знать о нас. И когда белая леди застывает своего мужа с соседкой, не лезь в это дело, слышишь?

Правило номер два: белая леди никогда не должна видеть, как ты пользуешься ее туалетом. Неважно, что тебе до того невтерпеж, что аж из ушей лезет. Если нет отдельного туалета для прислуги, выбери момент, когда хозяйки не будет поблизости.

Правило номер три. – Мама опять поворачивает меня за подбородок, потому что пирог манит по-прежнему. – Правило номер три: когда готовишь еду для белых, пробуй ее отдельной ложкой. Суешь ложку в рот, думаешь, что тебя никто не видит, опускаешь опять ложку в кастрюлю – с таким же успехом можешь все выкинуть.

Правило номер четыре: всегда пользуйся одной и той же чашкой, одной вилкой, одной тарелкой. Храни их в отдельном ящичке и скажи белой хозяйке, что отныне ты ими пользуешься.

Правило номер пять: ешь в кухне.

Правило номер шесть: не смей шлепать ее детей. Белые сами любят это делать.

Правило номер семь. Это последнее, Минни. Ты слышишь меня? Держи язык за зубами.

– Мам, я знаю, как...

– Да уж. Я слышу, как ты, когда думаешь, что я далеко, ворчишь, что должна чистить дымоход, что бедняжке Минни оставили самый маленький кусочек цыпленка. Утром огрызнешься на белую леди – к обеду можешь сколько угодно браниться на улице.

Я видела, как мама вела себя с мисс Вудра, все эти «да, мэм», «нет, мэм», «я так благодарна вам, мэм». Почему я должна быть такой же? Я знаю, как постоять за себя.

– А теперь иди к мамочке и обними ее в честь своего дня рождения. Господи, да ты тяжелая, как дом, Минни.

– Я весь день ничё не ела, когда можно попробовать пирог?

– Не говори «ничё», ты теперь должна говорить правильно. Я не для того тебя воспитывала, чтобы ты выражалась как деревенщина.

В свой первый день в доме белой леди я съела сэндвич на кухне, поставила свою тарелку в уголок буфета. Когда ребенок стащил мою сумочку и спрятал в духовке, я даже не отругала его.

Но потом белая леди сказала:

– Я хочу быть уверена, что белье сначала выстирали вручную, а только потом положили в машину для окончательной стирки.

А я и ответила:

– Зачем мне стирать руками, когда для этого есть стиральная машина? Никогда не слышала о такой бессмысленной трате времени.

Белая леди улыбнулась, и пять минут спустя я оказалась на улице.

Работая на мисс Селию, я смогу провожать детей в школу по утрам, а вечером у меня еще будет оставаться время для себя. Я не высыпалась с рождения Киндры в 1957 году, а с такой работой – с восьми до трех – смогу каждый день часок вздремнуть, если захочется. Поскольку до дома мисс Селии не идет ни один автобус, придется брать машину Лероя.

– Ты не можешь каждый день брать мою машину, женщина, а вдруг у меня дневная смена, и нужно будет...

– Она мне платит семьдесят долларов наличными каждую пятницу, Лерой.

– Ну тогда я возьму велосипед.

Во вторник, на следующий день после собеседования, я припарковала машину неподалеку от дома мисс Селии, за углом, быстрым шагом прошла по пустой улице, приблизилась к дому. Никаких машин вокруг не видеть.

– Мисс Селия, я здесь.

В то первое утро я сунула голову в ее спальню, и она сидела там, на покрывале, опираясь на подушки, с идеальным макияжем, в обтягивающем наряде, будто нарядилась для вечера пятницы, а был-то всего вторник. И читала «Голливуд дайджест» так внимательно, будто это святая Библия.

– Доброе утро, Минни! Как я рада вас видеть, – говорит, а у меня прямо шерсть дыбом поднимается от ее любезности.

Оглядываю спальню, прикидываю объем работы. Комната большая. Бежевый ковер во весь пол, огромная кровать под желтым балдахинном, два пышных желтых кресла. Прибрано, никакой тебе одежды на полу. Покрывало аккуратно разглажено. Одеяло сложено на кресле. Но я-то смотрю внимательно, наблюдаю. Чувствую – что-то не так.

– Когда мы приступим к первому уроку кулинарии? – спрашивает она. – Можно начать прямо сегодня?

– Думаю, через несколько дней, когда вы сходите в магазин и купите все, что нам потребуется.

Она размышляет пару секунд. А потом говорит:

– Может, лучше вы сходите, Минни, вы же лучше знаете, что покупать, и вообще?

Молча смотрю на нее. Большинство белых женщин любят сами ходить за покупками.

– Ладно, завтра утром схожу.

Смотрю, у входа в ванную комнату прямо на ковер она положила маленький розовый пушистый коврик. Вроде кошачьей подстилки. Я, конечно, не декоратор, но знаю, что розовый коврик к желтой комнате не подходит.

– Мисс Селия, раз уж я подрядилась работать здесь, мне нужно знать, когда точно вы собираетесь рассказать мистеру Джонни насчет меня?

Она рассматривает журнал, лежащий на коленях:

– Думаю, через несколько месяцев. К тому времени я должна научиться готовить и все такое.

– Через несколько – это через два?

Она закусывает покрашенные губки:

– Полагаю, скорее... четыре.

Как это? Я не намерена четыре месяца чувствовать себя беглым преступником.

– Вы собираетесь рассказать ему только в 1963 году? Нет уж, мэм, до Рождества.

– Хорошо, – вздыхает она. – Но прямо перед самим Рождеством.

Прикидываю:

– Итак, сто... шестнадцать дней. И вы ему все расскажете. Сто шестнадцать дней, начиная с сегодняшнего.

Она озадаченно хмурится. Видать, не ожидала, что прислуга так хорошо считает. Наконец выдавливает:

– Хорошо.

Потом я говорю, что ей нужно перейти в гостиную, чтобы я могла прибраться здесь. Когда она выходит, еще раз оглядываю комнату, уж слишком все аккуратно. Очень медленно открываю шкаф. Как я и думала, ворох вещей валится мне на голову. Заглядываю под кровать и вытаскиваю кучу грязной одежды, которую, держу пари, она месяцами не стирала.

В каждом ящичке свалка, каждый укромный уголок полон грязного тряпья и скомканных носков. Я нашла пятнадцать упаковок новых рубашек для мистера Джонни, чтобы он не догадался, что его жена не умеет стирать и гладить. А под забавным розовым ковриком прячется большое пятно цвета ржавчины. Меня бросает в дрожь.

Днем мы с мисс Селией составили список, что готовить на этой неделе, и на следующее утро я отправляюсь в магазин. Времени это занимает в два раза больше, потому что приходится ехать в белый «Джитни Джангл» в городе, а не в цветной «Пиггли Виггли» около моего дома, потому как, думаю, она не захочет есть продукты из магазина для цветных. Пожалуй, я ее не осуждаю – там у картошки «глазки» в дюйм длиной, да и молоко почти скисшее. Добравшись до рабочего места, я готова оправдываться, почему опоздала, но мисс Селия валяется на кровати, как и накануне, и улыбается как ни в чем не бывало. Разодета в пух и прах и никуда не собирается. Так и торчит там все пять часов, читает журналы. Встает только за стаканом молока да пописать. Но я вопросов не задаю. Я просто прислуга.

Прибравшись в кухне, иду в парадную гостиную. Остановившись в дверях, долго разглядываю медведя-гризли. Семь футов ростом, оскал во всю пасть. Когти длинные, изогнутые, как у ведьмы. Рядом лежит охотничий нож с костяной рукоятью. Подхожу поближе и вижу, что вся шерсть покрыта пылью, а в пасти вообще паутина.

Сначала я попробовала смахнуть пыль щеткой, но ее слишком много и глубоко забились в шерсть. Тогда я взяла тряпку и попыталась вытереть медведя, но жесткие волосы так кололи руки, что я всякий раз вскрикивала. Ох уж эти *белые*. Да, я отмывала все, от холодильников до задниц, но с чего эта леди решила, что я знаю, как чистить чертовых гризли?

Иду за пылесосом. Вычищаю медведя, и в целом – за исключением нескольких мест, где я старалась чересчур усердно и зверь чуть полысел, – получилось неплохо.

Покончив с медведем, протираю красивые книжки, которые никто не читает, начищаю пуговицы на мундире армии Конфедерации, серебряный пистолет. На столе в золотой рамке стоит фотография мисс Селии и мистера Джонни у алтаря, и я решаю рассмотреть поближе, что он за мужчина. Надеюсь, жирный и коротконогий – на случай, если придется убегать, – но ничего подобного. Сильный, высокий, крепкий. И знакомый. Боже правый. Именно он ухаживал за мисс Хилли все годы, что я раньше работала у мисс Уолтер. Я никогда с ним не встречалась, но достаточно видела, чтобы быть уверенной, что это он. Страх мой утраивается, даже мороз по коже. Одно этого достаточно, чтоб понять, что он за человек.

В час дня мисс Селия приходит в кухню и заявляет, что готова для первого урока кулинарии. Устраивается на табуретке. На ней красный джемпер в обтяжку, красная юбочка и достаточно косметики, чтобы напугать уличную шлюху.

– Что вы уже умеете готовить? – интересуюсь я.

Она тщательно обдумывает вопрос, морщит лоб:

– Может, стоит начать с самого начала?

– Но должны же вы что-то знать. Чему вас мама учила?

Она опускает взгляд на свои ноги в чулках и лепечет:

– Я умею готовить кукурузные лепешки.

Не могу сдержать смех.

– А еще что-нибудь, кроме кукурузных лепешек, умеете?

– Умею варить картошку... – Голос еще тише. – И умею молотить овес. Там, где я жила, не было электричества. Но я готова учиться. На настоящей плите.

Господи. В жизни не встречала белого, который жил бы хуже, чем я, если не считать сумасшедшего мистера Уолли, который живет за кантонской забегаловкой и ест кошачьи консервы.

– И вы каждый день кормили мужа овсянкой и кукурузными лепешками?

Мисс Селия кивает.

– Но вы ведь научите меня готовить, правда?

– Попытаюсь, – говорю я, хотя никогда не приказывала белой женщине, что надо делать, и не знаю даже, как к этому подступиться. Решительно подтягиваю чулки и указываю на банку, стоящую на столе: – Полагаю, если вам и надо что-то знать о кулинарии, то вот это.

– Это ведь жир, правильно?

– Нет, это не просто жир, – уточняю я. – Это самое важное изобретение на кухне, после майонеза в банках.

– А что такого особенного, – морщит она носик, – в свином жире?

– Он не *свиной*, он растительный. – Неужто есть в этом мире человек, не знающий, из чего сделан «Криско»? – Вы не представляете, какая это полезная вещь.

Она недоуменно пожимает плечами:

– Полезная? Пожарить что-нибудь?

– Он не только для жарки. У вас когда-нибудь что-нибудь липкое застревало в волосах, вроде жвачки? – Решительно стучу пальцем по банке с «Криско». – Правильно, поможет «Криско». Смажьте им попку ребенку, и знать не будете, что такое потница, – шлепаю три ложки на черную сковородку. – Да что там, я видела, как женщины втирают его под глаза и смазывают шершавые пятки мужьям.

– Смотрите, какой он красивый, – удивляется она. – Как белая глазурь на торте.

– Отчищает клей от ценника. Им можно смазать скрипучие дверные петли. Если свет погас, вставьте в него фитиль – и будет гореть не хуже свечи.

Зажигаю огонь, и мы смотрим, как жир тает на сковороде.

– И кроме всего, на нем можно поджарить цыпленка.

– Ладно, – сосредоточенно говорит она. – Что дальше?

– Цыпленок вымачивался в пахте, – рассказываю я. – Теперь приготовим панировку.

В двойной бумажный пакет насыпаю муку, соль, еще немного соли, перец, паприку и щепотку кайенского перца.

– Вот так. Кладем куски цыпленка в пакет и трясем.

Мисс Селия укладывает цыплячье бедрышко внутрь, постукивает по пакету:

– Вот так? Как в рекламе «Шейк энд Бейк»⁸ по телевизору?

– Да, – соглашаюсь я, а сама крепко прижимаю язык к зубам, потому что если это не оскорбление, тогда уж и не знаю что. – Просто как в «Шейк энд Бейк».

Но тут же застываю на месте: на улице тарыхтит автомобиль. Замираю и прислушиваюсь. Глаза у мисс Селии расширяются, она тоже прислушивается. Думаем мы об одном: что, если это он, и где мне прятаться?

Звук удаляется. Мы переводим дыхание.

– Мисс Селия, – говорю я сквозь зубы, – как это вы не можете рассказать своему мужу обо мне? Он что, ничего не поймет, когда еда станет лучше?

– Ой. Я об этом не подумала! Может, сделать так, чтобы цыпленок немножко подгорел?

Этого еще не хватало. Я не собираюсь портить цыпленка. На вопрос она не ответила, но я все равно добьюсь своего.

Аккуратно выкладываю мясо на сковороду. Мы стоим и наблюдаем, как бедра и ножки становятся золотистыми. Поднимаю взгляд. Мисс Селия улыбается.

– Что? У меня на лице что-то?

– Нет, – качает она головой, а у самой на глаза наворачиваются слезы. Она касается моей руки: – Я просто так вам благодарна.

Вежливо убираю руку:

– Мисс Селия, у вас столько всего, кроме меня, за что можно быть благодарной.

– Знаю. – Она оглядывает свою чудесную кухню с таким выражением, будто съела что-то противное. – Я и не мечтала о таком.

– Ну вот. Разве вы не счастливы?

– В жизни не была счастливее.

На этом и остановимся. Под всем этим счастьем она определенно несчастна.

Вечером звоню Эйбилин.

– Мисс Хилли вчера приходила в гости к мисс Лифолт, – докладывает Эйбилин. – Спрашивала, не знает ли кто, где ты работаешь.

– Боже, если она меня разыщет, обязательно все погубит. – Прошло две недели с тех пор, как я сделала с этой женщиной Кошмарную Ужасность. Конечно, она бы с удовольствием посмотрела, как меня увольняют.

– Что сказал Лерой, когда ты сообщила ему, что нашла работу? – спрашивает Эйбилин.

– Убит наповал. Расхаживал по кухне, как хвастливый петух, выделялся перед детьми. Как будто он единственный, кто содержит семью, а я просто так, ради развлечения подрабатываю. Зато потом, в постели, мой старый могучий бык едва не рыдал.

Эйбилин хохочет:

– Лерой очень гордый и самолюбивый.

– Ага. Главное, чтобы мистер Джонни меня не застукал.

– А она не объяснила, почему не хочет, чтобы муж знал?

– Сказала только, что хочет, чтобы он думал, будто она сама умеет готовить и прибираться. Но не знаю почему. Она что-то скрывает от него.

⁸ Панировка фабричного производства, популярная в Соединенных Штатах.

– Надо же, как забавно. Мисс Селия не может никому проговориться, иначе это дойдет до мистера Джонни. Так что мисс Хилли ничего не узнает, потому что мисс Селия никому не разболтает. Для тебя лучше и сложиться не могло.

– Хм-м. – Не хочу показаться неблагодарной, потому что Эйбилин устроила мне эту работу. Но невольно думаю, что вообще-то проблем у меня теперь вдвое больше – мисс Хилли, а теперь еще и мистер Джонни.

– Минни, я вот тут хотела спросить тебя... Ты знаешь такую мисс Скитер?

– Высокая, приходила раньше к мисс Уолтер на бридж?

– Да. Что ты о ней думаешь?

– Не знаю. Белая, такая же, как все они. А что? Она что-то говорит обо мне?

– Нет-нет, – заверяет Эйбилин. – Просто... несколько недель назад... даже не скажу, почему я все об этом думаю. Она спросила меня кое о чем. Спросила, не хочу ли я все изменить. Никогда белая женщина не спрашивала...

Но тут из спальни выходит Лерой и требует свой кофе перед ночной сменой.

– Ой, он проснулся, – говорю. – Рассказывай быстрее.

– Да ладно, неважно. Не бери в голову.

– Что было-то? Что она тебе сказала?

– Да просто вздор. Ерунда какая-то.

Глава 4

Первую неделю у мисс Селии я отмывала дом, пока не осталось ни единого пыльного ковра, ни драной простыни, ни грязных чулок, брошенных в стирку. Вторую неделю я снова вычищала дом, потому что грязь накапливается. На третью неделю я наконец привела все в порядок и начала работать как обычно.

И каждый день мисс Селия как будто все не могла поверить, что я прихожу на работу. Я – единственное, что нарушает абсолютный покой вокруг нее. В моем собственном доме вечно полно детей, соседей, да еще и муж. У мисс Селии я просто наслаждаюсь тишиной.

Обычно, где бы я ни работала, график у меня одинаковый. По понедельникам я полирую мебель. По вторникам стираю и глажу чертово белье – ненавижу этот день. Среда для генеральной уборки ванной, хотя я и мою там каждое утро. В четверг натираю полы и чищу пылесосом ковры, а те, которые старинные, – вручную, щеткой, чтобы не истрепались. В пятницу готовлю еду на все выходные и всякое такое. И каждый день мою полы, стираю, глажу рубашки, чтобы порядок не выходил из-под контроля, – короче, поддерживаю чистоту. Серебро и окна – по необходимости. Поскольку детишек нет, присматривать не за кем, остается достаточно времени для так называемых уроков кулинарии с мисс Селией.

Мисс Селия никогда не устраивает вечеринок, поэтому мы просто готовим то, что у них с мистером Джонни будет на ужин, – свиные отбивные, жареный цыпленок, ростбиф, пирог с цыпленком, бараньи ребрышки, запеченный окорок, жареные помидоры, картофельное пюре, овощи. Или я готовлю, а мисс Селия суетится рядом, напоминая скорее пятилетнюю девочку, чем богатую даму, выплачивающую мне зарплату. Когда урок заканчивается, она спешит обратно, улечься на диван. Вообще мисс Селия и шевелится-то, лишь проходя десять футов до кухни, на свой урок, да еще каждые два или три дня прячется наверху, в жутких пустых комнатах.

Не знаю, что она там делает по пять минут на втором этаже. Мне там не нравится. В этих комнатах должно быть полно детишек, чтоб они смеялись, кричали и баловались повсюду. Но меня не касается, что мисс Селия делает целый день напролет. По мне, так и хорошо, что не попадает на глаза. Я ходила, бывало, повсюду за хозяйками, с метелкой в одной руке и мусорным ведром в другой, все прибирала дерьмо за ними. А пока она валяется в кровати, я могу спокойно себе делом заниматься. Детишек у нее нет, занятий особых тоже нет, но все равно она самая ленивая женщина, что я встречала в жизни. *Включая* мою сестру Дорину, которая в детстве пальцем не пошевелила, потому что у нее, видите ли, большое сердце, – как потом выяснилось, муха попала в рентгеновский аппарат.

И если б только из кровати не вылезала. Мисс Селия вообще не выходит из дома, разве только сделать прическу и ногти поправить. За три недели, что я работаю, это случилось всего один раз. Мне тридцать шесть лет, а я все еще слышу, как мама говорит: «Это не твое дело». Но все-таки любопытно, чего так боится эта женщина.

Каждую пятницу я подсчитываю вслух:

– Мисс Селия, осталось девяносто девять дней до того, как вы расскажете обо мне мистеру Джонни.

– Ой, надо же, как быстро время бежит! – восклицает она со страдальческим выражением лица.

– Сегодня утром кошка прибежала на порог, так у меня чуть удар не случился – думала, это мистер Джонни.

Чем ближе к назначенному сроку, тем больше нервничает мисс Селия, да и я с ней. Не представляю, что сделает этот человек, когда она ему все расскажет. Наверное, прикажет меня уволить.

– Надеюсь, этого времени достаточно, Минни. Как вы думаете, я стала лучше готовить? – спрашивает она, а я не знаю, что ответить. У нее милая улыбка, ровные белые зубки, но она самая плохая кухарка на свете.

Стараюсь поддержать ее и учу готовить самые простые блюда, потому что хочу, чтоб она научилась, и побыстрее. Понимаете, она должна объяснить своему мужу, почему у толстой коротышки негритянки есть ключи от их дома. Мне нужно, чтобы он знал, почему я каждый день держу в руках его драгоценное серебро и сережки мисс Селии, с рубинами в бог весть сколько карат. Мне *необходимо*, чтобы он узнал это прежде, чем в один прекрасный день войдет домой и вызовет полицию. Или сэкономит время и разберется с этим делом самостоятельно.

– Берете рульку, наливаете воды побольше, вот так. Теперь зажигаем огонь. Следите, чтобы булькало чуть-чуть, тогда все будет отлично.

Мисс Селия смотрит в кастрюлю, как будто хочет разглядеть будущее.

– Вы счастливы, Минни?

– Почему вы мне задаете такие вопросы?

– Но все же?

– Конечно, счастлива. Вы тоже счастливы. Большой дом, просторный двор, муж о вас заботится. – Я неодобрительно смотрю на мисс Селию, и она, конечно же, это замечает. Потому как не дело, чтоб белые интересовались вашим мнением насчет того, *счастливы* ли они.

Когда у мисс Селии пригорела фасоль, я постаралась собрать все самообладание, которое, по утверждению моей мамы, у меня отсутствовало с рождения.

– Ничего, – сквозь зубы выдавливаю я. – Мы сделаем еще одну порцию, прежде чем мистер Джонни вернется домой.

На любую другую женщину, у которой я работала, я с удовольствием поворчала бы хоть часок – посмотреть, как ей это понравится. Но мисс Селия смотрит на меня своими огромными глазами, словно я лучшая вещь на свете после баночки лака для волос, – уж лучше бы она помыкала мной, как полагается с прислужкой. Я начинаю думать, не связано ли как-то ее лежание в постели целыми днями с тем, что она не рассказывает мистеру Джонни обо мне. Наверное, она замечает подозрение в моих взглядах, потому что однажды, совершенно неожиданно, заявляет:

– Мне часто снятся кошмары, будто мне пришлось вернуться жить в Шугэ-Дитч. Поэтому я так много лежу. – И кивает, торопливо так, будто давно отрепетировала. – Потому что очень плохо сплю ночами.

Улыбаюсь в ответ как дура, будто бы поверила, и продолжаю протирать зеркало.

– Не стоит так стараться. Оставьте несколько разводов.

Вот всегда так – зеркало в разводах, чуток испачканный пол, грязный стакан в мойке или полное мусорное ведро.

– Должно быть правдоподобно, – говорит она, а я ловлю себя на том, что в сотый раз тянусь за этим грязным стаканом, чтоб помыть. Люблю, чтоб было чисто и прибрано.

– Я хотела бы заняться вон тем кустом азалии, – говорит как-то мисс Селия.

Она взяла себе привычку валяться на диване, когда идут мои передачи, и все время вмешиваться. Я включаю «Путеводный свет» уже двадцать четыре года – с тех пор, как мне было десять и я слушала его по маминому радиоприемнику.

Начинается реклама «Дрефта», а мисс Селия уставилась в окно, на чернокожего парня, сгребаящего листья. У нее столько азалий, что к весне двор будет точь-в-точь как в «Унесенных ветром». Я не люблю азалии и уж совсем не люблю этот фильм – у них рабство выгля-

дит как грандиозное праздничное чаепитие. На месте Мамушки я посоветовала бы Скарлетт затолкать те зеленые занавески в ее маленькую белую задницу. И самой сшить чертово платье, завлекающее мужиков.

– Думаю, я могла бы заставить эти розы цвести, если их обрезать, – говорит мисс Селия. – Но первым делом я бы подрезала вон ту мимозу.

– А что с ней не так?

Прижимаю утюгом воротничок рубашки мистера Джонни. У меня во дворе и кустика-то не растет, не говоря уж о деревьях.

– Мне не нравятся эти мохнатые цветы. – И отворачивается. – Похожи на маленькие детские головки.

Мне неприятно, когда она так говорит.

– Вы разбираетесь в цветах?

Она вздыхает в ответ:

– Раньше, в Шугэ-Дитч, я любила возиться с цветами. Научилась выращивать их, надеялась, что так смогу победить все это уродство вокруг.

– Ну так вышли бы во двор, – предлагаю я, стараясь, чтобы прозвучало не слишком нервно. – Разомнитесь. Подышите свежим воздухом. («Убирайся отсюда».)

– Нет, – опять вздыхает мисс Селия, – мне нельзя бегать по улице. Я должна сохранять покой.

Меня начинает всерьез раздражать то, что она никогда не выходит из дому, что улыбается, как прислуга, по утрам, как будто это лучшее время дня, что все время торчит перед глазами. Прямо зуд у меня какой-то. Начинается, как только прихожу, а почесаться невозможно. И с каждым днем зудит чуть сильнее.

– Может, вам стоит завести подруг, – советую я. – В городе много женщин вашего возраста.

Она хмурится:

– Я пыталась. Не представляете, сколько раз я звонила этим дамам, спрашивала, не могу ли помочь с организацией Праздника или еще с чем-нибудь, не выходя из дома. Но они так и не перезвонили. Ни одна.

Ответить нечего, потому что меня это не удивляет. С ее-то огромными грудями и волосами цвета «Золотой самородок».

– Ну, походите по магазинам. Купите новые платья. Займитесь чем-нибудь, чем занимаетесь белые леди, пока прислуга работает по дому.

– Нет, пожалуй, я немного отдохну, – говорит она, и две минуты спустя я слышу, как она поднимается по лестнице в пустующие спальни.

Ветка мимозы стучит в окно, я подпрыгиваю от неожиданности и обжигаю палец. Приходится прикрыть глаза, чтобы унять бешено бьющееся сердце. Осталось девяносто четыре дня этого кошмара. Думаю, я ни минуты больше не выдержу.

– Мам, сделай что-нибудь поесть. Я голодная, – вот что мне заявила вчера вечером моя младшая, Киндра, ей пять лет. Уперла руки в боки и ножку выставила.

У меня пятеро детей, и я горжусь, что научила их говорить «да, мэм» и «пожалуйста», прежде чем произнести слово «печень».

Всех научила, кроме одной.

– До ужина ничего не получишь, – сказала я.

– Почему ты такая злая? *Ненавижу* тебя, – проорала она и выскочила за дверь.

К такому я никогда не смогу привыкнуть, хотя у меня до нее уже было четверо. Момент, когда ваше дитя заявляет, что ненавидит вас, – а через это проходит каждый ребенок – это как удар ногой в живот.

Но Киндра. Это вовсе не сложный возраст, с которым я знакома. Эта девочка просто вылитая я.

Я стою в кухне мисс Селии и думаю о вчерашнем вечере, Киндре и ее языке, Бенни и его астме, о том, что мой муж Лерой дважды на прошлой неделе пришел домой пьяным. Он знает: это единственное, что я не в силах вынести. Мой отец десять лет беспробудно пил, а мы с мамой вынуждены были работать на износ, чтоб у него были деньги на выпивку. Наверное, я бы больше расстроилась, но вчера, в качестве «прости меня», Лерой притащил целый мешок молодой окры. Он знает, что это моя любимая еда. Вечером я обваливаю ее в кукурузной муке, обжарю и наемся вволю, как мама никогда не разрешала.

Но на сегодня это не единственное лакомство. Матушка мистера Джонни прислала из Мексики два ящика персиков – тяжелых, как бейсбольные мячи. Спелые, сладкие, режутся как масло. Я не принимаю подачек от белых леди, потому что *знаю* – они хотят, чтобы я чувствовала себя обязанной. Но когда мисс Селия предложила мне взять домой дюжину персиков, я вытащила свою сумку и отложила в нее ровно двенадцать штук. Так что на ужин буду лакомиться жареной окрой и персиковым кобблером на десерт.

Чищу персики, люблю, как кожа длинной пушистой лентой опускается в миску, и совершенно не обращаю внимания на дорожку перед домом. Обычно, когда стою у кухонной раковины, я прикидываю план бегства от мистера Джонни. Кухня – лучшее для этого место, потому что большое окно выходит на улицу. Кусты азалии скрывают мое лицо, но сама я вижу достаточно, чтобы разглядеть приближающихся к дому. Если он войдет в парадную дверь, я сбегу в гараж через черный ход. А если явится сзади, я улизну через передние двери. Еще одна дверь из кухни ведет на задний двор, просто на всякий случай. Но сейчас сок тек по моим ладоням, густой сладкий запах просто пить можно, и я утонула в этих персиковых фантазиях. И не заметила, как к дому подъехал синий грузовик.

Мужчина был уже на полпути к двери, когда я подняла глаза. Успела заметить полоску белой рубашки, одной из тех, что я гладила каждый день, штанину цвета хаки – тех брюк, что я развешивала в шкафу мистера Джонни. Вопль застрял в горле. Нож со стуком упал в раковину.

– Мисс Селия! – метнулась я в ее спальню. – Мистер Джонни *дома!*

Мисс Селия слетела с кровати с такой скоростью, какой я в ней и не подозревала. Я как идиотка завертелась на месте. *Куда бежать? Куда мне деваться? Где же мой план побега?* И тут меня осенило – гостевая ванная!

Шмыгаю внутрь и прикрываю дверь, оставив щелку. Взбираюсь на сиденье унитаза, чтобы он не заметил мои ноги, торчащие из-под двери. Здесь темно и жарко. Голова словно в камине. Пот течет по подбородку и капает на пол. Мне дурно от густого запаха мыла с гарденией, которое лежит на краю раковины.

Слышу шаги. Перестаю дышать.

Шаги стихают. Сердце мечется, как кошка в электросушилке. А ну как мисс Селия делает вид, что не знает меня, чтобы избежать неприятностей? Притворится, будто я грабитель? Ненавижу ее! Ненавижу эту тупую бабу!

В груди – гулкое бум-бум. Колени ломит, им больно держать мое тело в такой позе.

Глаза привыкли к темноте. И я могу различить свое отражение в зеркале. Скрючилась, дура дура, на толчке в туалете белой леди.

Взгляните на меня. Посмотрите, на что приходится идти Минни Джексон, чтобы заработать на эту проклятую жизнь.

Мисс Скитер

Глава 5

Мамин «кадиллак» мчится по гравийной дороге, направляясь к дому. Мелкие камешки барабнят по корпусу машины с такой силой, что заглушают голос Пэтси Клайн⁹, звучащий из радиоприемника. Мама будет в ярости, но эта мысль лишь заставляет меня прибавить скорость. Никак не могу выбросить из головы, что сегодня в бридж-клубе сказала Хилли.

Мы с Хилли и Элизабет были лучшими подружками с начальной школы. На моей любимой фотографии мы втроем, уже школьницы средних классов, сидим на трибуне стадиона, тесно прижавшись друг к другу, плечо к плечу. А самое удивительное то, что трибуны вокруг абсолютно пусты. Мы сидим так близко просто потому, что действительно близки друг другу.

В «Оле Мисс»¹⁰ мы с Хилли два года прожили в одной комнате, пока она не уехала, чтоб выйти замуж, а я осталась учиться дальше. Каждый вечер я накручивала ее волосы на тринадцать бигуди в нашем общежитии Кси Омега¹¹. А сегодня она пригрозила изгнать меня из Лиги. Не то чтобы меня особенно волновало членство в Лиге, но больно осознавать, как легко подруга может расстаться с тобой.

Сворачиваю на аллею, ведущую к Лонглифу, хлопковой плантации нашей семьи. Гравий сменяет мягкая желтая пыль, и я притормаживаю, пока мама не увидела, с какой скоростью я ношусь. Подъезжаю к дому, выхожу из машины. Мама восседает в кресле-качалке на террасе.

– Присядь, дорогая, – машет она рукой в сторону второго кресла-качалки. – Паскагула только что натирала полы. Пускай немного просохнут.

– Ладно, мам.

Я целую напудренную щеку, но не сажусь. Облокотившись на перила террасы, разглядываю три древних дуба перед домом. Хотя отсюда до города всего пять минут езды, многие считают, что здесь уже деревня. За нашим домом расстилаются десять тысяч акров папиных хлопковых полей, покрытых крепкими зелеными растениями с высокой, как у меня, талией. Несколько чернокожих сидят вдалеке под навесом, глядя в огонь. Все ждут одного и того же – пока раскроются хлопковые коробочки.

Как, однако, все изменилось между мной и Хилли, когда я вернулась из университета. Но кто стал другим человеком, я или она?

– Я уже рассказывала тебе? – говорит мама. – Фанни Питроу помолвлена.

– Рада за Фанни.

– Не прошло и месяца с тех пор, как она начала работать в Фермерском банке.

– Замечательно, мама.

– Я это понимаю, – подчеркивает она, и мне приходится обернуться, чтобы встретить один из ее фирменных взглядов – так вспыхивает взрывающаяся электрическая лампочка. – Почему бы и тебе не поискать работу в банке?

– Я не хочу работать в банке, мам.

Мама вздыхает и, прищурившись, переводит взгляд на спаниеля Шелби, вылизывающего укромные части своего тела. Я же прикидываю пути к бегству, исполненная решимости испачкать свеженатертые полы. Этот разговор происходит уже не в первый раз.

⁹ Американская певица, одна из величайших вокалисток в истории музыки кантри.

¹⁰ Неофициальное название Университета Миссисипи.

¹¹ В американских университетах традиционно существует множество студенческих сообществ, чаще всего называемых буквами греческого алфавита.

– Моя дочь четыре года провела в колледже, и с чем же она вернулась домой? – вопрошает она.

– С дипломом?

– Жалкий клочок бумаги, – фыркает мама.

– Я уже говорила тебе. Я пока не встретила человека, за которого хотела бы выйти замуж.

Мама поднимается с кресла, подходит вплотную, и я могу рассмотреть ее гладкое красивое лицо. На ней синее платье, безупречно облегает стройную фигуру, помада, как всегда, аккуратно наложена. Но вот мама выходит на яркий свет – и я замечаю темные пятна на ее одежде. Моргаю несколько раз, чтобы убедиться, что мне не померещилось.

– Мама? Ты плохо себя чувствуешь?

– Если бы ты проявила хоть чуть-чуть сообразительности, Евгения...

– У тебя все платье впереди испачкано.

Мама гневно скрещивает руки на груди:

– Я разговаривала с матерью Фанни, и она сказала, что Фанни буквально купалась в предложениях, стоило ей только выйти на работу.

Приходится оставить тему платья. Я никогда не смогу объяснить маме, что хочу стать писательницей. Она усмотрит в этом всего лишь еще одно препятствие, отделяющее меня от мира замужних женщин. Точно так же, как не смогу рассказать о Чарли Грее, с которым мы вместе изучали математику прошлой весной в «Оле Мисс». Как он произнес тост за выпускной курс и поцеловал меня, а потом сильно стиснул мою руку, но это оказалось совсем не больно, а, наоборот, ужасно здорово, и он так смотрел мне в глаза. А потом женился на Дженни Сприг, ростом пять футов.

Нужно бы подыскать жилье в городе, в одном из домов, где живут одинокие простые девушки, старые девы, секретарши, учительницы. Но стоило мне однажды заикнуться о том, чтобы взять деньги из моего трастового фонда, как мама расплакалась – настоящими слезами.

– Твои деньги не предназначены для подобных целей, Евгения. Они не для того, чтобы жить в доходном доме, где пахнет кухней, а из окон свисают драные чулки. А когда деньги закончатся, тогда что? На что ты будешь жить? – После чего она водрузила на лоб влажное полотенце и остаток дня провела в постели.

И вот теперь, ухватившись за перила, мама ждет, сделаю ли я ради спасения собственной души то же самое, что сделала жирная Фанни Питроу. Моя собственная мать смотрит на меня так, словно ее буквально убивает весь мой вид, мой рост, моя прическа. Сказать, что у меня кудрявые волосы, – это ничего не сказать. Они просто неприличны – уместнее скорее на лобке, чем на голове, да еще и почти белые. Кожа у меня светлая, но вряд ли ее можно назвать молочно-белой, скорее мертвенно бледной, особенно когда я серьезна, а серьезна я всегда. Вдобавок нос у меня с горбинкой. Зато глаза васильково-синие, как у мамы. Мне всегда говорят, что это лучшее, что во мне есть.

– Речь идет о том, чтобы создавать ситуации, когда ты можешь знакомиться с мужчинами...

– Мама, – перебиваю я, чтобы поскорее закончить этот разговор, – неужели это так ужасно, если я вообще никогда не выйду замуж?

Мама судорожно обхватывает себя руками, словно ее бросает в холод при одной только мысли.

– Не смей! Не смей говорить так, Евгения. Каждую неделю, встречая в городе очередного мужчину ростом выше шести футов, я думаю: «Если бы Евгения только попыталась...» Она прижимает ладони к животу, будто сама мысль, что дочь останется старой девой, провоцирует у нее язву.

Сбрасываю шлепанцы и спускаюсь по ступенькам террасы, а мама кричит вслед, чтобы я надела туфли, пугая стригущим лишаем и клещевым энцефалитом. Незбежностью смерти от

прогулок босиком. И от отсутствия мужа. Ставшее уже привычным ощущение, впервые посетившее меня три месяца назад, после окончания колледжа, порождает нервную дрожь во всем теле. Я будто оказалась в месте, которому больше не принадлежу. Я определенно не должна быть здесь, рядом с матерью и отцом. И возможно, не с Хилли и Элизабет.

– Тебе двадцать три года, у меня в твоём возрасте уже родился Карлтон... – не унимается мама.

Останавливаюсь под миртовым деревцем, с безопасного расстояния наблюдая за мамой. Лилии уже отцвели. Почти сентябрь.

Я не была прелестным ребенком. Когда я родилась, мой старший братец, Карлтон, посмотрел на меня и объявил на всю больничную палату: «Это не ребенок, а комар!» С тех пор прозвище и прилипло. Я была долговязой и худой, вылитый комар, побила двадцатипятидюймовый рекорд роста для младенцев в Баптистской больнице. А уж когда в раннем детстве выяснилось, что и нос у меня длинный, тонкий и чуть заостренный, прозвище оказалось еще более подходящим. Мама всю мою жизнь пыталась убедить окружающих называть меня по имени, Евгенией.

Миссис Шарлотта Будро Кантрель Фелан не переносит кличек.

К шестнадцати я стала не только не особо привлекательной, но еще и болезненно высокой. Девочки такого роста на фотографиях класса обычно оказываются в последнем ряду, вместе с мальчиками. Мама девочки такого роста ночи напролет отпускает подолы ее платьев, удлиняет рукава свитеров, прилизывает волосы перед танцами, хотя ее об этом и не просили, и, наконец, даже прижимает ладонью макушку, словно хочет затолкать обратно в прошлое, где она могла бы напоминать дочери, что нужно выпрямить спину. Когда мне исполнилось семнадцать, мама предпочла бы, чтобы я заболела апоплексической диареей, нежели распрямилась в полный рост. Сама она была пяти футов четырех дюймов и «Первой Вице-Мисс Южная Каролина». Следовательно, в моем случае оставалось только одно средство.

Инструкция по Охоте на Мужа от миссис Шарлотты Фелан. Правило номер один: миниатюрную симпатичную девушку украшают макияж и хорошие манеры. Высокую и невыразительную – трастовый фонд.

Я была ростом пять футов одиннадцать дюймов, но на счету у меня лежали двадцать пять тысяч хлопковых долларов, и если это не есть настоящая красота, тогда, боже правый, парень все равно недостаточно умен, чтобы стать членом семьи.

Моя детская располагается на верхнем этаже дома. Снежно-белые карнизы с розовыми херувимами, обои с нежно-зелеными бутонами роз. Вообще-то это скорее мансарда с покатыми стенами, и я не везде могу выпрямиться в полный рост. Благодаря эркере комната кажется круглой. С тех пор как матушка принялась каждый божий день пилить меня по поводу поисков мужа, я будто сплю в свадебном торте.

Но вместе с тем это мое убежище. Здесь, наверху, горячий воздух скапливается, как внутри воздушного шара, что отталкивает посетителей. Лестница узкая, и родителям по ней взбираться трудно. Наша прежняя прислуга, Константайн, бывало, взирала на уходящие вверх ступени так, словно ей предстояла битва с ними. И это единственный недостаток верхнего этажа: он разлучал меня с Константайн.

Прошло три дня после очередного разговора с мамой. Я раскладываю на столе объявления о вакансиях из «Джексон джорнал». Все утро мать преследовала меня с новым средством для укрепления волос, в то время как папа сидел на террасе, ворчал и проклинал хлопковые поля, тающие, как летний снег. Если не считать нашествия жуков-долгоносиков, дождь, пожалуй, худшее, что может произойти во время уборки урожая. Сентябрь едва начался, а уже вовсю идут проливные дожди.

ВАКАНСИИ: ЖЕНЩИНЫ. С красным карандашом в руке я просматриваю единственную коротенькую колонку.

Универмагу Кеннингтон требуются продащицы: уравновешенность, хорошие манеры и улыбка!

Требуется молодая секретарша. Умение печатать необяз. Звонить мистеру Сандерсу. Господи, если ему не нужно, чтобы она печатала, то что же ему от нее нужно?

Требуется младшая стенографистка, «Перси и Грей», 1,25 долл/час.

Что-то новенькое. Обвожу кружочком.

Никто не станет отрицать, что в «Оле Мисс» я училась истоиво. Пока мои подружки пили ром с колой на вечеринках и прикалывали букетики к корсетам, я сидела в библиотеке и часами писала – в основном курсовые работы, но, кроме того, рассказы, плохие стихи, новые эпизоды для «Доктора Килдара»¹², рекламные тексты «Пэлл Мэлл», письма протеста, жалобы, требования выкупа, любовные записки парням, которых встречала на занятиях, но с которыми не решалась заговорить, – все это никогда никуда не отправлялось. Разумеется, я грезилась о свиданиях с игроками футбольной команды, но настоящей мечтой было однажды написать нечто такое, что люди захотят прочесть.

В четвертом семестре своего выпускного курса я нашла было работу – очень хорошую, в шестистах милях от Миссисипи. Затолкав двадцать два дайма¹³ в телефон-автомат, я попыталась разузнать о должности редактора в издательстве «Харпер и Роу», располагавшемся на Тридцать третьей улице Манхэттена. Я увидела объявление в «Нью-Йорк таймс» и в тот же день отправила им свое резюме. В смутной надежде даже позвонила насчет квартиры на Восемьдесят пятой улице – одна комнатка с плитой за сорок пять долларов в месяц. Авиакомпания «Дельта» сообщила, что билет в один конец обойдется в семьдесят три доллара. Мне и в голову не пришло поискать больше чем одно рабочее место, но ответа я так и не дождалась.

Взгляд скользнул ниже, к рубрике **ВАКАНСИИ: МУЖЧИНЫ.** Четыре колонки, заполненные объявлениями для банковских служащих, бухгалтеров, специалистов по кредитам, аудиторов. На этой стороне страницы «Перси и Грей» предлагали младшему стенографисту на пятьдесят центов в час больше.

Голос Паскагулы у подножия лестницы:

– Мисс Скитер, вам звонят.

Спускаюсь вниз к единственному в доме телефонному аппарату. Паскагула протягивает трубку. Она крошечная, как ребенок, меньше пяти футов, и черная, как ночь. Волосы аккуратно завиваются, а белое форменное платье сшито точно по миниатюрной фигурке.

– Мисс Хилли вас спрашивает, – сообщает она, вручая мне трубку.

Устраиваюсь за белым чугунным столиком. В большой квадратной кухне жарко. Черно-белые квадратики линолеума местами потрескались, а перед раковиной совсем истерлись. По центру кухни установлена новая серебристая посудомоечная машина, от крана к ней тянется шланг.

– Он приезжает на следующей неделе, – сообщает Хилли. – В субботу вечером. Ты свободна?

– Не знаю, надо проверить календарь.

В голосе Хилли нет и намек на нашу размолвку в бридж-клубе. Подозрительно, но все же на душе становится легче.

¹² Популярный телесериал первой половины 1960-х гг.

¹³ Монета достоинством в 10 центов; с 1965 г. серебряные монеты постепенно заменялись монетами из медно-никелевого сплава.

– Поверить не могу, что это *наконец* произойдет, – продолжает Хилли. Она несколько месяцев пыталась познакомить меня с кузеном своего мужа и не отступает от своего намерения, хотя парень чересчур привлекателен, да вдобавок еще и сын сенатора штата.

– А ты не думаешь, что нам следует... сначала просто познакомиться? – осторожно спрашиваю я. – Ну, прежде чем перейти к настоящим отношениям?

– Не волнуйся. Мы с Уильямом все время будем рядом.

Я вздыхаю. Свидание уже дважды отменялось. Могу только надеяться, что оно вновь отложится. Но мне льстит уверенность Хилли в том, что такой мужчина, как он, может заинтересоваться такой девушкой, как я.

– Так, еще нужно, чтобы ты пришла и забрала мои заметки, – говорит Хилли. – Я хочу, чтобы моя инициатива появилась в следующем информационном бюллетене, целая страница и место для фото.

– Насчет ванной? – после паузы уточняю я. Прошло всего несколько дней с тех пор, как она заявила об этом в бридж-клубе, но я надеялась, что все забыто.

– Это называется «Инициатива по обеспечению домашней прислуги отдельным санузлом» – Уильям, слезь, пока я тебя не отшлепала, Юл Мэй, куда ты, черт возьми, запропастилась, – и я хочу, чтобы информация появилась уже на этой неделе.

Я редактор информационного бюллетеня Лиги. Но Хилли – президент. И она пытается объяснить мне, что нужно печатать.

– Я попробую. Не знаю, осталось ли место, – бормочу я.

Стоящая у раковины Паскагула бросает взгляд в мою сторону, будто слышит, о чем говорит Хилли. Я же смотрю на ванную комнату Константайн, ныне – Паскагулы. Она рядом с кухней. Дверь полуоткрыта, и можно разглядеть крошечную комнатку – унитаза, наверху бачок с цепочкой, лампочка под пожелтевшим пластиковым абажуром. Маленькая раковина в углу едва ли вместит стакан воды. Я никогда не заходила туда. Когда мы были маленькими, мама пригрозила, что отшлепает, если мы сунемся в уборную Константайн. Я скучаю по Константайн больше, чем по кому-либо другому в своей жизни.

– Тогда освободи место, – приказывает Хилли. – Потому что это чертовски важно.

Константайн жила в миле от нашего дома, в маленьком негритянском предместье под названием Пекло – из-за тамошней смоляной фабрики. Дорога в Пекло идет вдоль северной границы нашей фермы, и, сколько я помню, на протяжении всей этой мили в красной пыли играли чернокожие ребятишки, постепенно подбираясь к большому окружному шоссе номер сорок девять, чтобы прокатиться на попутках.

Девчонкой я сама проходила пешком эту жаркую милю. Если я канючила и умоляла маму, она иногда по пятницам позволяла мне пойти в гости к Константайн. Через двадцать минут неторопливой прогулки мы проходили мимо дешевого магазина для цветных, потом мимо бакалеи с курятником на задворках, а вдоль дороги тянулись ряды ветхих домишек с жестяными крышами и покосившимися крылечками, и среди них был один дом желтого цвета, с черного хода которого, как все говорили, продавали виски. Я так волновалась, оказавшись в совершенно ином мире, и всегда остро чувствовала, какие новые у меня туфли, какой чистый белый сарафан, выглаженный Константайн. Чем ближе мы подходили к дому Константайн, тем шире она улыбалась.

– Здорово, Птичка Карл, – окликала Константайн торговца кореньями, восседавшего в кресле-качалке в кузове своего пикапа. Вокруг стояли раскрытые мешки с сассафрасом¹⁴, корнем лакрицы и лопуха; мы принимались рыться в них, и при этом все тело Константайн колы-

¹⁴ Растение семейства лавровых, произрастает на востоке США, используется для изготовления лекарственных препаратов и красителей.

халось, изгибаясь в каждом суставе. Константайн была не просто крупной, но тучной. Она была широка в бедрах, и колени частенько ее беспокоили. На повороте к своему дому она совала в рот щепотку табака и лихо сплевывала длинной струей. Она разрешала мне поглядеть на черный порошок в круглой жестянке, но всегда говорила:

– Смотри не рассказывай маме.

На дороге всегда валялись псы, шелудивые, с выпирающими костями, ввалившимися животами. Чернокожая женщина по имени Кэт-Байт¹⁵ кричала с крыльца:

– Мисс Скитер! Передавайте привет своему папе. Скажите, что у меня все хорошо.

Прозвище ей дал мой отец много лет назад. Он проезжал на машине и увидел, как бешеная кошка набросилась на маленькую черную девочку. «Кошка почти сожрала ее», – позже рассказывал мне папа. Он убил животное, отвез девочку к доктору и проследил, чтобы она получила трехнедельный курс прививок против бешенства.

А потом мы подходили к дому Константайн. В ее домике было три комнаты, никаких ковров, а на стене единственная фотография – белой девочки, которую Константайн нянчила двадцать лет назад в Порт-Гибсоне. Я была уверена, что знаю о Константайн все: у нее была сестра, а выросла она на ферме издолыщиков в Коринфе, Миссисипи; родители ее умерли; она не ела свинину; носила платья шестнадцатого размера, а туфли – десятого. Но, глядя на улыбающегося во весь рот ребенка на той фотографии, я немножко ревновала и думала, почему же она не повесила рядом и мое фото.

Иногда к нам приходили поиграть две девочки из соседнего дома, Мэри Нелл и Мэри Роан. Они были такие черные, что я не могла различить их и просто называла обеих Мэри.

– Веди себя любезно с цветными девочками, когда будешь в гостях, – однажды сказала мне мама, а я, помнится, удивленно посмотрела на нее и спросила:

– А как же иначе?

Но мама ничего не ответила.

Примерно через час приезжал папа, выходил из машины, протягивал Константайн доллар. Константайн никогда не приглашала его войти в дом. Даже тогда я понимала, что мы на ее территории и она не обязана соблюдать формальные приличия в своем собственном доме. Потом папа разрешал мне зайти в магазин для цветных, купить лимонаду и леденцов.

– Не говори маме, что я дал Константайн немного денег.

– Хорошо, папочка, – отвечала я. И это был наш единственный секрет.

Впервые меня назвали уродиной, когда мне было тринадцать. Богатый дружок моего брата Карлтона, во время охоты.

– Почему ты плачешь, детка? – встревожилась Константайн.

Я рассказала, как назвал меня тот мальчишка, а слезы рекой текли по лицу.

– Да ну? А ты и вправду уродина?

Я растерянно моргнула:

– Как это?

– Слушай внимательно, Евгения. (Константайн была единственной, кто время от времени соблюдал мамино правило.) Уродство живет внутри. Быть уродом значит быть гадким, злым человеком. Ты что, из таких?

– Не знаю. Наверное, нет, – разрыдалась я снова.

Константайн присела рядом, за кухонный стол. Я услышала, как скрипнули ее воспаленные суставы. Она крепко прижала к моей ладони свой большой палец, что означало на нашем языке «слушай и запоминай».

¹⁵ Cat-Bite (англ.) – укушенная кошкой.

– Каждое утро, пока не помрешь и тебя не закопают в землю, тебе придется принимать это решение. – Константайн сидела так близко, что я могла разглядеть поры на ее черной коже. – Тебе придется спрашивать себя: «Собираюсь ли я поверить в то, что сегодня эти дураки скажут обо мне?»»

Она не убирала палец от моей ладошки. Я кивнула в знак того, что понимаю. Я была достаточно сообразительной, чтобы точно знать – она говорит о белых людях. И хотя я все еще чувствовала себя несчастной и знала, что, скорее всего, действительно некрасива, Константайн впервые говорила со мной так, словно я не была белым ребенком своей матери. Всю жизнь мне втолковывали, что значит быть девочкой, как именно следует думать о политике, о цветных. Но палец Константайн, крепко прижатый к моей ладони, помог понять, что на самом деле я могу выбирать, во что верить.

Константайн приходила на работу в шесть утра, а в страду и вовсе в пять. Она успевала приготовить папе завтрак еще до того, как он отправлялся в поле. Почти каждое утро, проснувшись, я спускалась в кухню, где она уже стояла у плиты, а на столе работал радиоприемник. Константайн слушала проповедь отца Грина, завидев же меня, улыбалась:

– Доброе утро, красавица!

Я усаживалась за стол и рассказывала, что мне приснилось. Константайн считала, что сны предсказывают будущее.

– Я оказалась на чердаке, оттуда видно было ферму, – рассказывала я. – Я видела верхушки деревьев.

– Ты станешь хирургом по мозгам! Чердак означает голову.

Мама завтракала в столовой, потом уходила в гостиную вышивать или писать письма миссионерам в Африку. Со своего зеленого вращающегося кресла она могла наблюдать практически за всеми и всем в доме. Невероятно, как она умудрялась застукать меня, стоило только попытаться проскользнуть мимо двери. Я застывала на месте, чувствуя себя доской для дартса, красным центром мишени, в которую матушка метала дротики.

– Евгения, ты знаешь, что в этом доме жевательная резинка запрещена.

– Евгения, немедленно приложи спирт к синяку.

– Евгения, ступай наверх и причешись – что, если неожиданно нагрянут гости?

Я усвоила, что в носках передвигаешься гораздо тише, чем в туфлях. Я научилась пользоваться черным ходом. Научилась носить шляпы, прикрывая лицо рукой, когда проходила мимо. Но в первую очередь я усвоила, что лучшее место для меня – кухня.

Летний месяц в Лонглифе тянулся годами. Подруги навещали меня редко – мы жили слишком далеко от остальных белых соседей. Хилли и Элизабет, жившие в городе, все выходные проводили в гостях друг у друга, а мне позволялось порезвиться с подружками только раз в две недели. Я, разумеется, плакалась на тяжелую жизнь. Чаще всего я воспринимала присутствие Константайн как должное, но, думаю, все же понимала, как мне повезло, что она у меня есть.

В четырнадцать я начала курить. Сигареты таскала из пачки «Мальборо», которую Карлтон хранил в ящике комода. Ему было почти восемнадцать, и никто не возражал, что он уже давно курит где хочет – и дома, и в поле с отцом. Папа иногда курил трубку, но сигареты он не любил, а мама не курила вообще. И несмотря на то что большинство ее подруг курили, мама запретила мне даже попробовать, пока не исполнится семнадцать.

Так что приходилось пробираться во двор и устраиваться на качелях из автомобильной покрышки, где крона старого дуба надежно скрывала меня от посторонних глаз. Или поздно вечером высовываться из окна спальни и дымить. Зрение у мамы было орлиное, а вот обоняние практически нулевое. Зато Константайн все чуяла. Она чуть улыбалась, прищурившись, но

молчала. Если мама направлялась в сторону черного хода, когда я пряталась за деревом, Константайн спешила на улицу и колотила ручкой щетки по металлическим поручням лестницы.

– Что это ты делаешь, Константайн? – спрашивала, бывало, мама, но я к тому моменту успевала погасить сигарету и бросить окурочек в дупло дерева.

– Просто очищаю эту старую щетку, мисс Шарлотта.

– В таком случае, будь любезна подыскать более тихий способ. О, Евгения, ты, кажется, выросла за ночь еще на дюйм? Что же мне с этим делать? Ступай... надень подходящее платье.

– Хорошо, мэм, – в один голос отвечали мы с Константайн и обменивались лукавыми улыбками.

О, как чудесны общие секреты. Наверное, это похоже на отношения с сестрой или братом, близкими по возрасту. Но дело было не только в курении или играх в «кошки-мышки» с мамой. Просто рядом был человек, для которого ты важнее и лучше всех, – даже если собственная мать беснуется от того, что ты неприлично долговязая, кудрявая и нескладная. Человек, в глазах которого читаешь: «А мне ты нравишься».

Впрочем, она не любила сюсюканья. Когда мне было пятнадцать, одна девчонка, новенькая, показала на меня пальцем и громко спросила:

– А это что за аист?

Даже Хилли с трудом сдержала улыбку, оттаскивая меня в сторону, как будто мы не расслышали.

– Какой у тебя рост, Константайн? – спросила тогда я, не в силах сдержать слезы.

– А у тебя? – грозно прищурилась Константайн.

– Пять футов и одиннадцать дюймов, – прорыдала я. – Я уже выше, чем тренер по баскетболу у мальчишек.

– Ну а я пять футов тринадцать, так что довольно себя жалеть.

Константайн была единственной женщиной, на которую я смотрела снизу вверх и которой могла взглянуть прямо в глаза.

Первое, что поражало в Константайн, помимо ее роста, – глаза. Светло-карие, удивительного медового цвета – совершенно неожиданно на фоне темной кожи. Я никогда не видела у чернокожих таких светлых глаз. Вообще-то в Константайн можно было разглядеть множество оттенков коричневого. Локти у нее были абсолютно черные, а зимой они покрывались белой шелушащейся корочкой. Кожа на руках, шее и лице – черная как смоль. Ладони оранжевого оттенка, и мне всегда было любопытно – стопы тоже такого цвета или нет, но я никогда не видела Константайн босиком.

– Нынче мы с тобой только вдвоем, – сказала она как-то раз с улыбкой.

В те выходные мама с отцом повезли Карлтона смотреть Университет Луизианы и Тулейн¹⁶. В следующем году братец собирался поступать в колледж. Утром папа принес в кухню раскладушку и поставил рядом с уборной Константайн. Она всегда спала на ней, если приходилось оставаться на ночь.

– Гляди-ка, что у меня есть, – показала она на дверь в кладовку.

Я подошла, заглянула внутрь и увидела, что из сумки Константайн торчит огромный, в пятьсот деталей, пазл с изображением Маунт-Рашмор¹⁷. Это было наше любимое занятие, когда Константайн оставалась ночевать.

В тот вечер мы просидели несколько часов – жевали орешки и перебирали детали, рассыпанные по кухонному столу. Снаружи бушевала гроза, и от этого в комнате было еще уютнее. Лампочка мигнула и вновь ярко загорелась.

¹⁶ Частный университет в Новом Орлеане.

¹⁷ Национальный мемориал в Южной Дакоте. Вырубленные в гранитном утесе гигантские скульптурные портреты четырех великих американских президентов – Дж. Вашингтона, Т. Джефферсона, Т. Рузвельта, А. Линкольна.

– Это который? – Константайн внимательно изучала картинку на коробке сквозь очки.

– Это Джефферсон.

– О, точно. А вот этот?

– Это... – Наклоняюсь поближе. – Думаю, это... Рузвельт.

– Я тут узнаю только Линкольна. Он похож на моего отца.

Я замерла с деталькой пазла в руке. Мне исполнилось четырнадцать, я училась не ниже чем на «А». Я была умна, но удивительно наивна.

– Потому что твой отец был таким... высоким? – осторожно спросила я.

Она усмехнулась:

– Потому что мой отец был белым. Ростом я пошла в маму.

Я выронила кусочек картона:

– Твой... отец был белым, а мать... цветной?

– Угу, – отозвалась она и улыбнулась, соединив пару деталей. – Взгляни-ка. По мне, так подходит.

У меня в голове крутилось множество вопросов. *Кем он был? Где он?* Я знала, что он не женился на матери Константайн, потому что это незаконно. Я вытащила сигарету из своего тайного запаса, который захватила к столу. В свои четырнадцать я чувствовала себя очень взрослой, поэтому смело закурила. В тот же миг лампочка над столом мигнула, потускнела и тихонько зажужжала.

– О, папочка люби-ил меня. Всегда говорил, что я его самая любимая. – Константайн откинулась на спинку стула. – Он приходил к нам каждую субботу, а однажды подарил мне десять лент для волос, десяти разных цветов. Из настоящего японского шелка, из самого Парижа привез. Я сразу усаживалась к нему на колени и не слезала, пока ему не пора было уходить, а мама ставила пластинку Бесси Смит¹⁸ на патефон, который он ей подарил, и мы с папой пели: «Как же странно, удивительно, никто не хочет знать тебя, когда ты на мели...»

Я, совершенно обалдев, слушала, вытаращив глаза. В приглушенном свете ее голос вспыхнул невероятным сиянием. Если бы шоколад мог звучать, он запел бы голосом Константайн. Если бы у песни был цвет, она обрела бы цвет шоколада.

– Однажды у меня было очень тяжело на душе, я, наверное, думала, что есть много того, из-за чего стоит огорчаться, – бедность, холодная вода, больные зубы, всякое такое. Но он обнял мою голову, крепко прижал к себе и долго-долго не отпускал. Когда я подняла голову, то увидела, что он тоже плачет, и он... сделал то же самое, что я сделала для тебя, так что ты поймешь. Он прижал палец к моей ладошке и сказал... попросил прощения.

Мы молча смотрели на разбросанный пазл. Мама не хотела бы, чтоб я знала, что отец Константайн был белым и что он просил у нее прощения за то, что так устроен мир. Я не должна была знать подобных вещей. Я чувствовала себя так, словно получила от Константайн драгоценный подарок.

Я загасила сигарету в парадной серебряной пепельнице. Свет ярко вспыхнул вновь. Константайн улыбнулась мне, а я улыбнулась в ответ.

– Почему ты никогда прежде не рассказывала мне об этом? – спросила я, глядя ей прямо в глаза.

– Я не могу рассказывать тебе обо всем, Скитер.

– Но почему?

Она знала все обо мне, о моей семье. Разве у меня когда-нибудь были от нее секреты?

Она пристально смотрела на меня, и в ее глазах я разглядела глубокую, безнадежную печаль. Немного помолчав, Константайн сказала:

¹⁸ Великая негритянская исполнительница блюза, оказавшая, наряду с Луи Армстронгом, наибольшее влияние на развитие джазового вокала.

– Некоторые вещи следует держать при себе.

Когда настал мой черед отправляться в колледж, мама выплакала все глаза, пока мы с папой отъезжали от дома. Но сама я чувствовала себя свободной. Я вырвалась с фермы, убегала подальше от постоянной критики. Хотелось спросить маму: «Разве ты не рада? Разве тебе не легче оттого, что я не буду больше досаждать тебе?» Но мать выглядела совершенно убитой.

В общежитии я была самой счастливой первокурсницей. Я писала Константайн каждую неделю – рассказывала о своей комнате, о занятиях, о студенческих клубах. Письма приходилось отправлять на наш адрес, потому что в Пекло почту не доставляли; оставалось надеяться, что мама не станет вскрывать чужие письма. Константайн отвечала дважды в месяц, на листах оберточной бумаги, сложенных конвертиком. Строки, написанные большими округлыми буквами, к концу страницы совсем сползали вниз. Она описывала мельчайшие подробности жизни в Лонглифе: «Спина у меня сильно болит, но ноги еще хуже» или «Миксер сорвался с подставки, пролетел по всей кухне, кошка как заорет – и вылетела вон. С тех пор я ее не видала». Она рассказывала, что папа простудился и кашляет, что в церковь к ним приходила Роза Паркс. Частенько интересовалась, счастлива ли я, и требовала подробностей. Наши письма напоминали неторопливый разговор, многолетний обмен вопросами и ответами, в Рождество или во время летних каникул продолжавшийся лицом к лицу.

Мама в письмах ограничивалась рекомендациями типа «Не забывай молиться» или «Не носи туфли на каблуках, это делает тебя еще выше». К инструкциям был прикреплен чек на тридцать пять долларов.

В апреле моего выпускного года пришло письмо от Константайн, где говорилось: «У меня для тебя сюрприз, Скитер. Я так волнуюсь, едва могу на месте усидеть. И не спрашивай ни о чем. Сама увидишь, когда домой вернешься».

До последних экзаменов и выпускного оставался всего месяц. И это было последнее письмо от Константайн.

Я пропустила выпускную церемонию в «Оле Мисс». Все мои близкие подружки бросили учебу и вышли замуж, и я не видела смысла заставлять родителей тащиться целых три часа в один конец, только чтобы посмотреть, как я иду по сцене, – мама все равно предпочла бы увидеть, как я иду по проходу к алтарю. От «Харпер и Роу» ответа все не было, поэтому, вместо того чтобы купить билет на самолет до Нью-Йорка, я отправилась домой в «бьюике» второкурсницы Кей Тернер, зажатая между моей пишущей машинкой и свадебным платьем Кей. В следующем месяце Кей Тернер выходила замуж за Перси Стэнфора. И битых три часа я выслушивала ее беспокойства по поводу свадебного торта.

Дома мама чуть отступила назад, чтобы разглядеть меня получше.

– Что ж, кожа у тебя прекрасная, – констатировала она. – Но волосы... – И вздохнула, покачав головой.

– Где Константайн? – спросила я. – В кухне?

И тут мама спокойно, словно повторяя прогноз погоды, сообщила:

– Константайн здесь больше не работает. Давай поскорее распакуем все эти чемоданы, пока одежда не измялась окончательно.

Я недоуменно моргала, подумав, что не расслышала:

– Что ты сказала?

Мама выпрямилась, разгладила складки на платье:

– Константайн больше нет, Скитер. Она уехала к своим родственникам в Чикаго.

Нет, сюрприз Константайн заключался не в этом. Такую ужасную новость она сообщила бы мне сразу.

Мама глубоко вдохнула и продолжила:

– Я не велела Константайн писать тебе об отъезде. Не во время выпускных экзаменов. Что, если бы ты провалилась и пришлось оставаться еще на год? Господь свидетель, четырех лет в колледже более чем достаточно.

– И она... согласилась? Не писать мне и не сообщить, что уезжает?

Мама со вздохом отвернулась.

– Мы обсудим это позже, Евгения. Пойдем в кухню, я познакомлю тебя с новой прислугой, Паскагулой.

Но я не пошла с мамой в кухню. Я смотрела на чемоданы, в ужасе от мысли, что придется их распаковать. Дом казался огромным и пустым. Вдалеке, на хлопковом поле, гудел комбайн.

К сентябрю я утратила надежду не только получить ответ от «Харпер и Роу», но и отыскать Константайн. Похоже, никто понятия не имел, как с ней связаться. В конце концов я перестала расспрашивать окружающих, почему Константайн уехала. Она словно просто исчезла. Пришлось признать, что Константайн, единственный верный союзник, оставила меня лицом к лицу с этими людьми.

Глава 6

Жарким сентябрьским утром прсыпаюсь в своей детской кровати, сую ноги в сандалии, которые братец Карлтон привез мне из Мексики. Видимо, мужские, потому что ножки мексиканских девушек не вырастают до размера девять с половиной. Мама терпеть не может эти сандалии, говорит, они омерзительно выглядят.

Поверх ночной рубашки натягиваю старую отцовскую рубаху и выскальзываю за дверь. Мама на задней террасе с Паскагулой и Джеймисо, следит, как они открывают устриц.

– Никогда не оставляй негра с негритяжкой наедине без присмотра, – когда-то давным-давно шепотом намекнула мне мама. – Они не виноваты, просто они так устроены.

Спускаюсь к почтовому ящику посмотреть, не пришла ли заказанная по почте книжка «Над пропастью во ржи». Запрещенные книги я всегда заказываю у книготорговца в Калифорнии, рассудив, что, если штат Миссисипи запретил их, книги наверняка стоящие. К концу дорожки сандалии и щиколотки покрываются чудесной желтой пылью.

По другую сторону ограды расстилаются ярко-зеленые хлопковые поля, усеянные раскрытыми коробочками. Несколько участков отец потерял из-за дождей в прошлом месяце, но большая часть посевов созрела неповрежденной. Листья покрыты коричневыми пятнышками дефолианта, и в воздухе все еще чувствуется кисловатый химический запах. На окружном шоссе ни одной машины. Открываю почтовый ящик.

Вот оно, под маминым «Женским домашним журналом», письмо, адресованное мисс Евгении Фелан. Красный штамп в углу: «Издательство “Харпер и Роу”». Вскрываю конверт тут же, прямо в одной ночной сорочке и старой отцовской рубахе.

4 сентября 1962 года

Уважаемая мисс Фелан,

Я лично отвечаю на Ваше письмо, поскольку полагаю восхитительным, что юная леди без всякого опыта работы пытается получить должность редактора в таком престижном издательстве, как наше. Для подобной должности необходим как минимум пятилетний опыт работы по специальности. Вы бы знали это, если бы потрудились навести справки.

Однако, будучи в свое время столь же амбициозной юной леди, я решила дать Вам совет: обратитесь в местную газету и поработайте там для начала. В своем письме Вы сообщили, что Вам «безмерно нравится писать». Всякий раз, когда не заняты работой на мимеографе или не готовите кофе своему боссу, внимательно смотрите вокруг, наблюдайте, исследуйте и пишите.

Не тратьте время на очевидные вещи. Пишите о том, что Вас волнует, особенно если никому больше до этого нет дела.

Искренне Ваша

Элейн Штайн,

главный редактор, отдел художественной литературы.

Под напечатанным текстом приписка от руки, синими чернилами, неразборчивым почерком:

P. S. Если Вы серьезно, я охотно просмотрю Ваши наброски и выскажу свое мнение. Я предлагаю это, мисс Фелан, вовсе не из корыстных соображений, а просто потому, что некогда то же самое сделали и для меня.

Грузовик, полный хлопка, загрохотал по шоссе. Негр на пассажирском сиденье едва не вывалился из кабины, глаза на меня. Я совершенно забыла, что я – белая девушка в полупрозрачной ночной рубашке. Я только что получила письмо из Нью-Йорка – пожалуй, многообещающее – и замерла возле калитки, повторяя вслух: «Элейн Штайн». Никогда в жизни не встречалась с евреями.

Мчусь обратно к дому, стараясь не сильно сжимать письмо в руке. Не хочу, чтобы оно помялось. Взлетаю вверх по лестнице, провожаемая мамиными воплями, чтобы я немедленно сняла эти вульгарные мексиканские мужские башмаки, – необходимо немедленно записать все, что меня, черт побери, волнует в этой жизни, особенно то, до чего остальным нет дела. Слова Элейн Штайн расплавленным серебром текли по моим жилам, и я печатала с невыносимой скоростью. Список, оказывается, довольно длинный.

На следующий день я готова отправить Элейн Штайн свое первое письмо с перечислением идей, которые я полагаю достойным материалом для журналиста: чудовищная неграмотность населения Миссисипи; многочисленные аварии по вине пьяных водителей в нашем округе; ограниченные возможности для профессиональной карьеры женщин.

И лишь отправив письмо, понимаю, что, пожалуй, выбрала темы, которые могли бы произвести впечатление на нее, а вовсе не те, которые в действительности интересовали меня.

Глубоко вдохнув, тяну на себя тяжелую стеклянную дверь. Изящный колокольчик как-то женственно звякает. Гораздо менее женственная секретарша вопрошающе глядит на меня. Она такая огромная, что в маленьком деревянном кресле ей явно неудобно.

– Добро пожаловать в «Джексон журнал». Чем могу служить?

О встрече я договорилась еще позавчера, не прошло и часа после получения письма от Элейн Штайн. Я спросила, нет ли у них любой свободной вакансии. И удивилась, что собеседование назначили так скоро.

– У меня встреча с мистером Голденом.

Секретарша поднимается и вперевалку ковыляет к двери в дальнем конце приемной. Я пытаюсь унять дрожь в руках. Заглядываю в приоткрытую дверь, вижу маленькую комнату с деревянными стенными панелями. Четверо мужчин в деловых костюмах барабанят по пишущим машинкам и черкают карандашами. Сутулые, измученные, трое из них почти лысые – уцелела лишь скромная подковка волос на затылке. В комнате клубится сигаретный дым.

Вновь появляется секретарша и, не выпуская из руки сигареты, манит меня пальцем:

– Ступайте вон туда.

Прохожу мимо разглядывающих меня мужчин, сквозь клубы дыма, в дальний кабинет.

– Закрывайте дверь! – орет мистер Голден, стоит мне переступить порог. – Не впускайте сюда этот чертов дым.

Мистер Голден встает из-за стола. Он дюймов на шесть ниже меня, одет элегантно, моложе моих родителей. У него длинные зубы, сальные черные волосы и глумливая усмешка гадкого типа.

– Вы что, не знаете? – возмущается он. – На прошлой неделе сообщили, что сигареты смертельно опасны.

– Я ничего об этом не слышала. (Надеюсь, этой информации не было на первой странице его газеты.)

– Дьявол, я знаю столетних ниггеров, которые выглядят моложе, чем эти идиоты. – Он усаживается на место, но я продолжаю стоять, потому что других стульев в кабинете нет. – Ладно, давайте посмотрим, что там у вас.

Протягиваю свое резюме и несколько статей, которые написала еще в школе. Всю мою жизнь «Джорнал» валялась у нас на кухонном столе, раскрытая на фермерских отчетах или местных спортивных новостях. Сама я редко читала эту газету.

Мистер Голден не просто просматривает мои бумаги, он редактирует их красным карандашом.

– Три года редактор «Мюрра Хай», два года редактор «Ребел Роузер», три года редактор «Кси Омега», специальность – английский и журналистика, четвертая в выпуске... Черт побери, девочка, – бормочет он, – у тебя что, в жизни не было ничего интересного?

– А это... – Чуть откашлявшись, я решаюсь подать голос: – Это важно?

Он поднимает взгляд.

– Вы необычайно высокого роста, но, полагаю, такая симпатичная девушка, как вы, встречалась с целой баскетбольной командой.

Смотрю на него, недоумеваю, издевка это или комплимент.

– Надо думать, в уборке вы разбираетесь... – Он вновь переводит взгляд на мои статьи, испещренные яростными красными пометками.

Мое лицо стремительно вспыхивает.

– Уборке? Я здесь не для того, чтобы убирать. Я пришла, чтобы *писать*.

Сигаретный дым просачивается из-под двери. Словно в здании пожар. Какой же я была дурой, решив, что могу запросто прийти и получить работу журналиста.

С тяжелым вздохом он протягивает мне толстую стопку исписанных листов:

– Вот и будете писать. Мисс Мирна, недовольная всем, покинула нас, напилась лака для волос или чего-то в этом роде. Прочтите письма, напишите ответы в ее стиле, никто, черт побери, и не заметит разницы.

– Я... что? – И я беру эту толстую стопку, потому что не знаю, что еще могу сделать. Понятия не имею, кто такая мисс Мирна. И задаю единственный вопрос, который вертится в голове: – Сколько, вы говорите... будете платить?

Он, как ни странно, окидывает меня восхищенным взором – от туфель на плоской подошве до плоской прически. Некий инстинкт подсказывает мне, что следует улыбнуться и поправить волосы. Чувствую себя глупо, но так и делаю.

– Восемь долларов, каждый понедельник.

Киваю, прикидывая, как бы выяснить, какого рода работа мне предстоит, не разоблачив себя.

Он подается вперед:

– Вы ведь знаете, кто такая Мисс Мирна, верно?

– Разумеется. Мы... с девочками всегда ее читаем, – уверенно вру я, и мы вновь долго молча смотрим друг на друга. Где-то трижды звонит телефон.

– И что? Восемью долларов недостаточно? Господи, женщина, тогда иди отмывай туалет мужа бесплатно!

Закусываю губу. Но, прежде чем успеваю издать хоть один звук, он раздраженно закатывает глаза:

– Ну хорошо, *десять*. Работа должна быть готова к четвергу. И если мне не понравится ваш стиль, я не стану это печатать и платить за это.

Забираю папку, рассыпаясь в благодарностях – гораздо более жарких, чем следовало бы. Он, не обращая внимания, снимает телефонную трубку и начинает разговор, прежде чем я выхожу за дверь. Добравшись до машины, откидываюсь на мягкое кожаное сиденье «кадиллака». Перебираю странички из папки и улыбаюсь от уха до уха.

Я только что получила *работу*.

Домой вхожу, распрямив спину – впервые с тех пор, как в двенадцать лет у меня начался бурный рост. Меня распирает от гордости. Каждая клеточка мозга протестует, но я не могу устоять и не рассказать все матери. Врываюсь в гостиную и сообщаю, что нашла работу – буду вести, в качестве Мисс Мирны, еженедельную колонку хозяйственных советов.

– Какое счастье... – Мамин вздох недвусмысленно означает, что в таком случае и жить не стоит. Паскагула охлаждает для нее чай.

– Это, по крайней мере, начало, – защищаюсь я.

– Начало чего? Раздачи советов по домоводству, в то время как... – Новый вздох, долгий и медленный, как звук спускающей шины.

А вдруг весь город будет думать точно так же? Радость постепенно улетучивается.

– Евгения, ты понятия не имеешь даже о том, как чистить серебро, что уж говорить о поддержании чистоты в доме.

Прижимаю папку к груди. Мама права, я ведь не сумею ответить ни на один вопрос. И все же могла хотя бы порадоваться за меня.

– А уж сидя за пишущей машинкой, ты никогда ни с кем не познакомишься. Евгения, надо хоть немного соображать.

Гнев вскипает во мне, я выпрямляюсь еще больше.

– Ты думаешь, я *хочу* жить здесь? *С тобой?* – Хохочу я в надежде ранить ее чувства.

Короткая вспышка боли в глазах. Губы сжимаются в ниточку. Но я не намерена брать свои слова обратно, потому что наконец-то – *наконец-то* – высказала то, что ей пришлось дослушать.

Я не собираюсь уходить. Я хочу услышать ответ. Хочу услышать ее извинения.

– Я должна... спросить тебя кое о чем, Евгения. – Мама судорожно комкает в руках носовой платок. – Я как-то читала, что... некоторые девушки, неуравновешенные, начинают думать... ну, у них появляются *неестественные* мысли.

Понятия не имею, о чем она толкует. Смотрю на вентилятор под потолком. Похоже, он крутится чересчур быстро. *Клац-клац-клац...*

– Ты... тебя... привлекают мужчины? У тебя нет неестественных мыслей по поводу... – Она крепко зажмуривается. – Девочек или... женщин?

Вот здорово было бы, если б вентилятор сейчас сорвался и рухнул на нас.

– Потому что в той статье говорилось, что от этого есть лекарство, особый отвар из корней...

– Мама, – произношу я, не открывая глаз. – Я так же мечтаю о девушках, как ты мечтаешь о... *Джеймисо*. – И направляюсь к двери. Но напоследок бросаю взгляд через плечо. – Ты ведь не мечтаешь о нем, верно?

Мама, возмущенно вскрикнув, подскакивает. А я с грохотом избегаю вверх по лестнице.

На следующий день складываю аккуратной стопочкой письма Мисс Мирне. В кошельке у меня тридцать пять долларов – ежемесячная выплата, которую продолжает выдавать мне мама. Спускаюсь вниз, со сладчайшей христианской улыбочкой на лице. Живя дома, я вынуждена просить у матери ее машину. А значит, она поинтересуется, куда я собралась. А значит, я вынуждена постоянно ей лгать, а это хоть и приятно, но вместе с тем несколько унижительно.

– Я собираюсь в церковь, узнать, не нужно ли чем-то помочь в подготовке к воскресной школе.

– О, чудесно, дорогая. Можешь не спешить.

Вчера вечером я решила, что для ведения колонки мне необходима помощь профессионала. Первой мыслью было попросить Паскагулу, но я с ней едва знакома. Вдобавок мать наверняка опять поднимет шум и примется пилить меня за все подряд. Служанка Хилли, Юл Мэй, такая стеснительная, что едва ли получится ее упросить. Единственная прислуга, с кото-

рой я часто встречаюсь, это Эйбилин, работающая у Элизабет. Эйбилин чем-то напоминает Константайн. К тому же она намного старше меня и, должно быть, очень опытна.

По пути к Элизабет заезжаю в «Бен Франклин», покупаю папку, коробку карандашей, блокнот в голубой обложке. Завтра в два часа дня моя первая колонка должна лежать на столе у мистера Голдена.

– Скитер, входи.

Элизабет открывает дверь, и я пугаюсь, что Эйбилин сегодня не работает. Элизабет в голубом халате, волосы накручены на гигантские бигуди, отчего голова кажется огромной, а тело еще более тщедушным, чем на самом деле. Элизабет носит бигуди целые дни напролет, а жидкие волосы все не становятся пышными.

– Прости, я не в форме. Мэй Мобли подняла меня посреди ночи, а сейчас еще Эйбилин куда-то подевалась.

Вхожу в крошечную прихожую. В этом доме низкие потолки и маленькие комнаты. Все выглядит каким-то потрепанным – выцветшие голубые шторы, вытертое покрывало на диване. Я слышала, дела у Рэйли идут неважно. Может, в Нью-Йорке или где-нибудь еще это и нормально, но в Джексоне, штат Миссисипи, люди не желают вести бизнес с грубым и снисходительным ослом.

Перед домом я заметила машину Хилли, но самой ее нигде не видно. Элизабет садится за швейную машинку, взгромоздив ее прямо на обеденный стол, и сообщает:

– Я почти закончила. Остался последний шов.

Через минуту поднимается, встряхивает в руках зеленое платье с круглым белым воротничком.

– Скажи честно, – шепчет она с мольбой в глазах. – Оно выглядит как самодельное?

Подол с одной стороны длиннее, воротничок морщит, а манжеты перекошены.

– Стопроцентно покупное. Прямо из «Мезон Бланш».

Для Элизабет это магазин мечты. Пять этажей дорогой одежды на Канал-стрит в Новом Орлеане, одежды, которую невозможно отыскать в Джексоне.

Элизабет благодарно улыбается, а я интересуюсь:

– Мэй Мобли спит?

– Наконец-то! – Элизабет сердито поправляет выбившуюся из бигуди прядь. Порой, когда она говорит о дочери, в голосе прорываются резкие ноты.

Открывается дверь гостевой ванной, и на пороге возникает Хилли со словами:

– Так гораздо лучше. Теперь у всех есть свое место.

Элизабет с преувеличенной озабоченностью поправляет иголку в машинке.

– Можешь передать Рэйли, что я сказала «Вы молодцы», – добавляет Хилли, и до меня доходит, о чем идет речь. Отныне у Эйбилин есть в гараже своя уборная.

Хилли улыбается – ее «Инициатива» начинает действовать.

– Как поживает твоя мама? – спрашиваю я, хотя точно знаю, что это крайне неприятная для нее тема. – Она нормально устроилась в доме престарелых?

– Надеюсь. – Хилли одергивает красный джемпер, прикрывающий складки жира на талии. Брюки в красно-зеленую клетку создают иллюзию аппетитных округлостей сзади. – Разумеется, она не ценит все, что я делаю. Мне пришлось уволить ее служанку, которая пыталась стащить серебро прямо у меня под носом. – Хилли прищуривается: – А кстати, никто из вас не слышал, эта Минни Джексон работает где-нибудь?

Мы отрицательно мотаем головами.

– Сомневаюсь, что ей удастся найти работу в этом городе, – замечает Элизабет.

Хилли согласно кивает, на миг задумавшись. Делаю глубокий вдох, сгорая от желания сообщить свою новость, и выпаливаю:

– Я получила работу в «Джексон джорнал»!

В комнате повисает тишина. Потом Элизабет взвизгивает от восторга. Хилли улыбается мне с такой гордостью, что я смущенно краснею и пожимаю плечами, словно в этом нет ничего особенного.

– С их стороны было бы крайне глупо не взять тебя, Скитер Фелан. – Хилли поднимает стакан с чаем, словно произнося тост.

– Э-э... хм, кто-нибудь из вас когда-нибудь читал колонку Мисс Мирны? – робко спрашиваю я.

– Ну нет, – отзывается Хилли. – Но, держу пари, белые девчонки из бедных кварталов Южного Джексона штудируют ее как Библию.

– Бедняжки, у которых нет прислуги, наверняка читают, – подхватывает Элизабет.

– Ты не будешь возражать, если я поговорю с Эйбилин? – спрашиваю у Элизабет. – Чтобы она помогла мне ответить на некоторые письма?

Элизабет на миг замирает.

– С Эйбилин? *Моей* Эйбилин?

– Сама я ничего в этом не смыслю.

– Ну... если это не помешает ее работе...

Такое отношение меня удивляет. Но потом напоминаю себе, что Элизабет, в конце концов, платит ей.

– И не сегодня, потому что Мэй Мобли вот-вот проснется, и тогда мне придется самой заниматься с ней.

– Ладно. Может... может, тогда я зайду завтра утром?

Торопливо подсчитываю часы. Если мы с Эйбилин управимся до полудня, у меня останется время помчаться домой, все напечатать и вернуться в город к двум.

Элизабет хмуро рассматривает катушку с зелеными нитками:

– И только на несколько минут. Завтра день чистки серебра.

– Это ненадолго, обещаю.

Элизабет все больше напоминает мою мать.

На следующее утро ровно в десять Элизабет открывает дверь и кивает мне, точно школьная учительница:

– Ладно, входи. И недолго. Мэй Мобли может проснуться в любую минуту.

Направляюсь в кухню, зажав под мышкой блокнот и письма. Эйбилин улыбается мне, стоя у раковины, ее золотые зубы сияют. Она чуть полновата, но от этого лишь кажется мягче и добродушнее. И она гораздо ниже меня ростом, а кто выше-то? Темно-коричневый цвет блестящей кожи подчеркивает белоснежная накрахмаленная униформа. Брови у нее с проседью, хотя волосы совершенно черные.

– Привет, мисс Скитер. Мисс Лифолт все еще за машинкой?

– Да. – Так странно, даже спустя несколько месяцев, слышать, как Элизабет называют мисс Лифолт – не мисс Элизабет и даже не девичьей фамилией, мисс Фредерикс.

– Можно? – указываю на холодильник.

Но, прежде чем я успеваю подойти, Эйбилин уже открывает его:

– Чего пожелаете? Ко-кола?

Я соглашаюсь, и она ловко снимает крышечку открывалкой, наливает в стакан.

– Эйбилин... Не могли бы вы помочь мне кое в чем...

И я рассказываю о колонке, радуясь, что ей известно, кто такая Мисс Мирна.

– Может, я прочла бы вам некоторые письма, а вы сумели бы... помочь мне с ответами. Позже я, возможно, обрету сноровку... – Нет. Никогда и ни за что я не смогу отвечать на вопросы по домоводству. Откровенно говоря, я и не собираюсь этому учиться. – Понимаю,

это звучит несправедливо – пользоваться вашими ответами, выдавать их за свои. В смысле, Мирны, – печально вздыхаю я.

Эйбилин качает головой:

– Да мне все равно. Просто не думаю, что мисс Лифолт одобрит.

– Она сказала, что все нормально.

– В мое рабочее время?

Киваю, невольно вспоминая интонации Элизабет.

– Тогда ладно, – соглашается Эйбилин и смотрит на часы над раковиной. – Когда Мэй Мобли проснется, мне, пожалуй, придется закончить.

– Присядем? – предлагаю я.

Эйбилин косится на дверь:

– Вы начинайте, а мне и стоя хорошо.

Прошлым вечером я читала статьи Мисс Мирны за последние пять лет, но не успела пока разобрать письма. Расправляю страничку, карандаш наготове.

– Письмо из округа Рэнкин. *«Дорогая Мисс Мирна, – читаю я. – Как удалить пятна с воротничка рубашки этого жирного негра, моего мужа, ведь он настоящая свинья и... и потеет так же...»*

Чудесно. Колонка о домоводстве и отношениях. *Две* вещи, в которых я ничего не смыслю.

– От чего она хочет избавиться? – уточняет Эйбилин. – От пятен или от мужа?

Тупо смотрю в листок. Я не знаю, что посоветовать хотя бы в одном случае.

– Скажите, пусть возьмет уксус и «Пайн-Сол», намочит. Потом пускай положит на солнышко.

Торопливо записываю.

– Положить на солнце надолго?

– На часок. Чтоб высохло.

Вытаскиваю второе письмо, она так же быстро отвечает и на него. После четвертого или пятого я вздыхаю с облегчением.

– Спасибо, Эйбилин. Вы не представляете, как помогли мне.

– Да никаких проблем. Хорошо, что я пока не нужна мисс Лифолт.

Собираю свои бумаги, допиваю колу, давая себе пять секунд передышки, перед тем как бежать писать статью. Эйбилин перебирает в корзинке зеленые побеги папоротника. В кухне тихо, только радио работает, опять отец Грин.

– Эйбилин, откуда вы знали Константайн? Вы общались с ней?

– Мы... ходили в одну церковь.

Знакомая боль охватывает меня.

– Она даже адреса не оставила. Я просто... поверить не могу, что она вот так взяла и ушла.

Эйбилин не поднимает глаз. Будто бы пристально изучает ростки папоротника.

– Уверена, ей пришлось так поступить.

– Нет, мама сказала, что она просто ушла. Уехала к родственникам в Чикаго.

Эйбилин берет очередной побег, принимается тщательно мыть длинный стебель, завитую зеленую головку.

– Нет, мэм, – после долгой паузы произносит она.

Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, о чем это она.

– Эйбилин... Вы думаете, что Константайн уволили?

Шоколадное лицо Эйбилин становится с каким-то синеватым оттенком.

– Я, должно быть, позабыла, – бормочет она и, наверное, думает, что и так слишком много сказала белой женщине.

Слышен голосок Мэй Мобли, и Эйбилин, извинившись, выходит. Не сразу я понимаю, что пора домой.

Десять минут спустя я вхожу в дом. Мама читает за обеденным столом.

– Мама, – я крепко прижимаю к груди блокнот, – ты уволила Константайн?

– Я... *что?* – переспрашивает мама. Но я знаю, что она прекрасно расслышала, раз отложила информационный бюллетень ДАР¹⁹. Вопрос оказался настолько болезненным, что отвлек ее от захватывающего чтения. – Евгения, я же говорила тебе, ее сестра заболела, поэтому она уехала в Чикаго к родственникам. А в чем дело? Кто-то считает иначе?

Я и через миллион лет не сознаюсь, что это Эйбилин.

– Слышала сегодня в городе.

– Кто мог разговаривать о подобных вещах? – Мамины глаза за очками презрительно сужаются. – Должно быть, одна из этих черномазых.

– Что ты сделала с ней, мама?

Мама нервно облизывает губы, внимательно рассматривает меня сквозь толстые стекла очков.

– Ты не поймешь, Евгения. По крайней мере, пока у тебя не появится собственная прислуга.

– Ты... *выгнала* ее? За что?

– Неважно. Все уже позади, и я не желаю думать об этом ни одной лишней минуты.

– Мама, она же меня вырастила. Немедленно расскажи, что произошло! – Мне самой противны визгливые нотки в голосе, как у капризного ребенка.

Мама удивленно приподнимает бровь, снимает очки.

– Ничего особенного, просто расовые проблемы. Это все, что я могу сказать. – Она вновь надевает очки и подносит к глазам информационный листок.

Меня трясет от ярости. Грохочу ногами по лестнице, ошеломленная известием, что моя мать смогла вышвырнуть из дома человека, который столько для нее сделал – вырастил ее детей, научил меня доброте и самоуважению. Сижу, уставившись в пространство. Розовые обои, шторы, пожелтевшие фотографии – все такое знакомое, почти до отвращения. Константайн проработала в нашей семье двадцать девять лет.

Всю следующую неделю отец поднимался еще до рассвета. Меня будил рык моторов, шум комбайнов, крики рабочих. Поля стали коричневыми и хрусткими – от сухих стеблей хлопка, обработанных химикатами, чтобы машинам легче было снимать коробочки. Урожай созрел.

Во время сбора урожая отец даже не ходил в церковь, но в воскресенье вечером мне удалось поймать его в темном холле, пока он не лег спать.

– Папа? Ты можешь мне рассказать, что случилось с Константайн?

Уставший до смерти, он тяжело вздыхает.

– Как мама могла выгнать ее?

– Что? Дорогая, Константайн ушла сама. Ты же знаешь, мама никогда бы не уволила ее. – Он удивлен, что я спрашиваю о таких очевидных вещах.

– Ты знаешь, куда она уехала? У тебя есть ее адрес?

Он отрицательно качает головой и ласково похлопывает меня по плечу.

– Спроси у мамы, она знает. Люди иногда уходят, Скитер. Но я, конечно, предпочел бы, чтобы она осталась с нами.

И отец устало бредет в спальню. Он слишком честен, чтобы скрывать правду, значит, ему известно столько же, сколько мне.

¹⁹ Дочери Американской Революции – женская общественная организация, занимающаяся преимущественно патриотическим воспитанием молодежи и образованием.

Каждую неделю, иногда по два раза, я захожу к Элизабет – поболтать с Эйбилин. С каждым днем Элизабет становится все подозрительнее. Чем дольше я торчу в кухне, тем больше поручений приходит ей в голову: то нужно срочно почистить дверные ручки, то стереть пыль с верхней крышки холодильника, то постричь ногти Мэй Мобли. Вечно занятая Эйбилин относится ко мне с вежливым радушием, не более. И все-таки я сдала мистеру Голдену работу, и, кажется, он вполне доволен колонкой, которую я настроила минут за двадцать.

Каждую неделю я расспрашиваю Эйбилин о Константайн. Не могла бы она разузнать для меня ее адрес? Не могла бы рассказать, почему ее уволили? Был ли скандал? Потому что я не могу представить, что Константайн просто скажет «да, мэм» и удалится через черный ход. Мама как-то отругала ее за якобы потускневшие ложки, так Константайн потом целую неделю подавала ей подгоревшие тосты.

Однако на все мои расспросы Эйбилин лишь пожимает плечами и отвечает, что ничего не знает.

Как-то днем, расспросив Эйбилин, как вывести ржавые пятна в ванне, я возвращаюсь домой, прохожу через гостиную и бросаю рассеянный взгляд в сторону включенного телевизора. Паскагула стоит в пяти дюймах от экрана. Слышу гимн «Оле Мисс» и вижу на экране белых мужчин в темных костюмах – крупным планом, пот течет по лысым головам. Подхожу ближе. Среди этих белых стоит чернокожий, а позади – военные. Камера отъезжает, видно наше старое административное здание. На ступенях, скрестив руки на груди, стоит губернатор Росс Барнетт, смотрит прямо в глаза этому высокому негру. Рядом с губернатором сенатор Уитворт, с чьим сыном все пытается свести меня Хилли.

Я не потрясена и не напугана новостью, что чернокожего допустили в университет, просто удивлена. Паскагула, однако, дышит шумно, как паровоз. Она застыла как столб, не обращая внимания на меня. Роджер Стикер, местный репортер, нервно улыбаясь, тарыхтит в камеру: «Президент Кеннеди приказал губернатору зачислить Джеймса Мередита, повторяю, президент Соединенных...»

– Евгения, Паскагула! Выключите сию минуту!

Паскагула подскакивает, оборачивается, замечает нас с матерью. И тут же выбегает из комнаты, не поднимая глаз.

– Не смей делать этого, Евгения, – шепчет мама. – Не смей потакать им.

– Потакать? Это новость национального масштаба, мама.

Мать лишь фыркает в ответ.

– Совершенно недопустимо, чтобы вы с ней вместе смотрели телевизор. – Она переключает каналы, останавливаясь на дневном повторе шоу Лоуренса Велка²⁰. – Взгляни, это ведь гораздо приятнее, верно?

Жарким субботним днем в конце сентября, когда хлопковые поля опустели, папа принес домой цветной телевизор. А черно-белый переставили в кухню. Гордо улыбаясь, отец включил в гостиной новый телевизор. И дом наполнили звуки футбольного матча между «Оле Мисс» и Университетом Луизианы.

Мама, разумеется, приклеилась к цветной новинке, охая и ахая по поводу ярких синих и красных цветов команды. Они с отцом буквально живут местным футболом. Мать нарядилась в красные шерстяные брюки, несмотря на душающую жару, и постелила на кресло старый отцовский плед «Каппа Альфа». О Джеймсе Мередите, первом чернокожем студенте, не сказано ни слова.

²⁰ Музыкальная передача консервативного толка, в которой звучали только самые популярные мелодии и песни, исполняемые в так называемой «семейной» манере.

Сажусь в «кадиллак» и отправляюсь в город. Для мамы совершенно непостижимо, как это я не хочу смотреть, как игроки моей альма-матер пинают мяч. Но Элизабет с семейством сейчас в гостях у Хилли, смотрят матч, поэтому Эйбилин работает в доме одна. Надеюсь, Эйбилин в отсутствие Элизабет будет чувствовать себя свободнее. Откровенно говоря, я рассчитываю, что она расскажет мне хоть что-нибудь о Константайн.

Эйбилин открывает дверь, и я прохожу за ней следом в кухню. Пожалуй, если она и чувствует себя свободнее в пустом доме, то лишь самую чуточку. Косится на кухонный стул, словно сегодня была бы рада присесть. Но, как только я предлагаю, отвечает:

– Нет, мне и так хорошо. Начинайте. – Достает помидор из мойки и принимается чистить.

Прислонившись к столу, озвучиваю очередную загадку: как отучить собак рыться в мусорном баке? Потому что ленивый муж вечно забывает вовремя опорожнить его. Потому что вечно наливается своим проклятым пивом.

– Просто положить немножко пневмонии в мусор. Собаки от их бака живо разбегутся, глаза разъест.

Я записываю, изменив на «аммоний», беру следующее письмо, и тут замечаю лукавую улыбку Эйбилин.

– Не хочу сказать ничего дурного, мисс Скитер, но... как-то странно, что вы стали новой Мисс Мирной, а сами ничего не смыслите в домашнем хозяйстве, а?

Она произносит это совсем не так, как моя мать месяц назад. Я смеюсь и рассказываю ей о том, о чем никому не говорила, – о телефонных звонках, резюме, отправленном в «Харпер и Роу». О том, что хочу стать писательницей. И о совете, полученном от Элейн Штайн. Как здорово все же поделиться с кем-нибудь.

Эйбилин кивает, принимаясь за следующий помидор:

– Мой мальчик, Трилор, он тоже любил писать.

– Я не знала, что у вас есть сын.

– Он умер. Два года как.

– О, простите...

Некоторое время слышен только голос отца Грина да шорох падающей томатной кожуры.

– По английскому всегда получал одни «отлично». А потом, когда вырос, купил себе пишущую машинку. – Плечи ее поникли. – Говорил, напишет книгу. Была у него одна идея...

– Что за идея? – интересуюсь я. – Если, конечно, вы можете рассказать...

Сначала Эйбилин ничего не отвечает. Все чистит и чистит помидоры.

– Он читал книжку, «Человек-невидимка». А как прочел, говорит, напишет, каково это – быть черным и работать у белых в Миссисипи.

Я нервно озираюсь, понимая, что на этом месте моя мама прервала бы беседу. Она бы мило улыбнулась и сменила тему – заговорила бы, например, о ценах на чистящие средства или белый рис.

– Я тоже прочла «Человека-невидимку» после него, – продолжает Эйбилин. – Мне понравилось.

Я киваю, хотя сама не читала. И вообще никогда прежде не представляла себе Эйбилин читающей.

– Он написал почти пятьдесят страниц, – продолжает она. – Я разрешила его девушке, Фрэнсис, забрать листки. На память о нем.

Руки Эйбилин замирают. Я вижу, как прокатывается комок в горле, когда она сглатывает.

– Пожалуйста, не рассказывайте никому, – произносит она, гораздо мягче. – Он ведь хотел написать о своем белом боссе.

Эйбилин закусывает губу, и меня пронзает мысль – она до сих пор боится за сына. Его уже нет на свете, но материнские страхи все еще живы.

– Это замечательно, что вы рассказали мне, Эйбилин. Думаю, это... смелая идея.

Эйбилин пристально смотрит мне в глаза. Потом берет очередной помидор, нож. Я жду, что сейчас польется красный сок. Но Эйбилин останавливается, бросает взгляд на дверь.

– Несправедливо, пожалуй, что вы не знаете, что случилось с Константайн. Только я... простите, неправильно, что я говорю вам об этом.

Я молчу, боюсь спугнуть момент.

– Но я могу вам сказать, это касается ее дочери. Она тогда приехала повидаться со своей мамой.

– Дочери? Константайн никогда не говорила, что у нее есть дочь. – Я знала Константайн двадцать три года. Почему она скрывала это от меня?

– Ей тяжело было. Ребенок родился совсем... светлым.

Я припоминаю, о чем рассказывала Константайн много лет назад.

– Вы хотите сказать, со светлой кожей? То есть... она белая?

Эйбилин кивает и вновь принимается за помидор.

– Пришлось отослать ее из дома, куда-то на север, думаю.

– Отец Константайн был белым, – говорю я. – О... Эйбилин... вы же не думаете... – Жуткая мысль проносится в голове. Я слишком потрясена, чтобы закончить фразу.

– Нет, нет, мэм, – мотает головой Эйбилин. – Совсем не то. Парень Константайн, Коннор, он был цветным. Но раз уж в самой Константайн текла кровь ее отца, ребенок родился белый. Так... случается.

Мне стыдно за собственные дурные мысли. Но я все равно не понимаю.

– Почему же Константайн мне не рассказала? – не могу успокоиться я. – Почему отослала ее прочь?

Эйбилин задумчиво кивает, словно она-то все понимает. Но я – нет.

– Это было для нее самое тяжелое, сколько я ее знала. Константайн тысячу раз говорила, что дожидаться не может, когда дочка вернется.

– Вы считаете, дочь имеет отношение к тому, что Константайн выгнали? Что произошло?

И тут Эйбилин замыкается. Занавес опустился. Она кивает в сторону писем Мисс Мирны, давая понять, что готова отвечать на хозяйственные вопросы. По крайней мере, сейчас.

Днем заезжаю к Хилли, на футбольное сборище. Вдоль улицы выстроились пикапы и длинные «бьюики». Заставляю себя войти в дом, прекрасно понимая, что буду единственной одиночкой на этом мероприятии. Гостиная полна парочек, устроившихся на диванах, на стульях, на ручках кресел. Жены сидят прямо, скрестив ножки, мужа – чуть склонившись вперед. Взгляды прикованы к экрану телевизора. Останавливаюсь в дальнем конце комнаты, обмениваюсь с кем-то улыбками. В комнате тихо, слышен только голос комментатора.

– Ууааааууу!

Раздается рев, руки взмывают в воздух, дамы подсакивают и принимаются хлопать в ладоши. Я грызу ногти.

– Давай, «Ребелс»! Покажи «Тиграм»!

– Вперед, «Ребелс»! – вопит Мэри Фрэнсис Трули, радостно подпрыгивая. Стильный у нее костюмчик.

Я разглядываю воспаленную розовую кутикулу на своих ногтях. В гостиной повсюду – красная шерсть, бриллиантовые кольца, витает аромат бурбона. Интересно, женщинам действительно так интересен футбол или они просто прикидываются, чтобы произвести впечатление на мужей? За четыре месяца, что я в Лиге, меня ни разу не спросили: «Как там “Ребелс”?»

Перебрасываясь приветствиями с некоторыми парочками, пробираюсь в кухню. Служанка Хилли, высокая и стройная Юл Мэй, вставляет тоненькие сосиски в булочки. Еще одна чернокожая девушка, помоложе, моет посуду в раковине. Хилли болтает с Диной Доран, машет мне рукой.

– ...Я в жизни не пробовала птифур вкуснее! Дина, ты самый талантливый кулинар в Лиге! – И Хилли заталкивает в рот остаток пирожного, трясая головой и постанывая от удовольствия.

– Ой, что ты, спасибо, Хилли, они, конечно, требуют времени, но, думаю, стоят того, – Дина сияет. Кажется, она сейчас разрыдается от потока восторгов Хилли.

– Так ты сделаешь? О, как я рада. Нашему Комитету по кондитерским изделиям просто *необходим* человек вроде тебя.

– А сколько штук нужно приготовить?

– Пятьсот, к завтрашнему дню.

Улыбка застывает на лице Дины.

– Ладно. Думаю, я смогу... поработаю ночью.

– Скитер, ты все-таки пришла! – приветствует меня Хилли, и Дина на трясущихся ногах выходит из кухни.

– Я ненадолго, – тут же вставляю я – возможно, чересчур поспешно.

– Так, я все узнала, – подмигивает Хилли. – На этот раз он точно придет. Через три недели.

Я вздыхаю, наблюдая, как длинные пальцы Юл Мэй ловко снимают булочку с ножа, – я прекрасно понимаю, о чем идет речь.

– Ну, не знаю, Хилли. Ты уже столько раз пыталась. Возможно, это знак. – В прошлом месяце, когда он отменил свидание за день до встречи, я позволила себе некоторое волнение. Не хотелось бы проходить через это вновь.

– Что? Даже думать не смей.

– Хилли... – Пора уже решительно заявить об этом. – Ты же знаешь, я не в его вкусе.

– Ну-ка, посмотри на меня, – приказывает она, и я подчиняюсь. Мы все покоряемся Хилли.

– Хилли, ты не можешь заставить меня...

– Это *твой шанс*, Скитер. – Она хватает меня за руку и крепко прижимает палец к моей ладони, как некогда Константайн. – Твой шанс. И, черт побери, я не позволю тебе упустить его только потому, что твоя мамаша внушила тебе, что ты недостаточно хороша для таких парней.

Горькие, но правдивые слова больно ранят. Да, я боюсь своей подруги, ее настойчивости и цепкости. Мы с Хилли всегда были бескомпромиссно честны друг с другом, даже в мелочах. Остальных людей Хилли щедро потчует ложью, как пресвитерианец – чувством вины, но, по молчаливому уговору между нами, честность – единственное, что позволяет нам оставаться подругами.

С пустой тарелкой в руках в кухне появляется Элизабет. Она улыбается, но, заметив нас, останавливается. Мы втроем молча смотрим друг на друга.

– Что случилось? – волнуется Элизабет. Наверняка думает, что мы говорили о ней.

– Итак, через три недели? – уточняет Хилли. – Придешь?

– О да! Конечно же, ты придешь! – радостно восклицает Элизабет.

Смотрю на улыбающиеся лица. Это не похоже на мамино вмешательство в личную жизнь – просто чистая надежда, без лукавства и обиды. Ужасно, что подруги обсуждают судьбу моей первой ночи за моей спиной. Ненавижу их за это, но вместе с тем люблю.

К себе в деревню я возвращаюсь еще до окончания игры. Поля за окном «кадиллака» выглядят обглоданными и обгоревшими. Последний урожай собрали несколько недель назад, но обочина дороги все еще бела от пушистых клочков, застрявших в траве. Легкий аромат хлопка витает в воздухе.

Не вставая с сиденья, заглядываю в почтовый ящик. Внутри «Фермерский альманах» и письмо. Из «Харпер и Роу». Въезжаю во двор, переключаю передачу на «парковку». Письмо написано от руки, на маленьком квадратном листочке.

Мисс Фелан,

Вы, конечно, можете оттачивать свои писательские навыки на таких плоских и банальных темах, как пьяные водители и неграмотность. Надеюсь, впрочем, что Вы найдете сюжеты, в которых есть подлинная сила. Подумайте. Пишите мне только в том случае, если сумеете предложить нечто действительно оригинальное.

Мимо мамы, сидящей в столовой, где невидимка Паскагула протирает рамы картин на стене, проскальзываю вверх по своей узкой кривой лесенке. Лицо пылает. С трудом сдерживаю слезы, перечитывая письмо миссис Штайн. Ужас в том, что у меня нет лучших идей.

Пытаюсь забыть в статьях по домоводству, затем в очередном бюллетене Лиги. Вторую неделю подряд я умышленно пропускаю «гигиеническую» инициативу Хилли. Час спустя я тупо смотрю в окно. На подоконнике валяется «Давайте восхвалим знаменитостей»²¹. Подхожу, убираю книгу с окна, чтобы не выгорела бумажная обложка с черно-белым фото жалкого нищего семейства. Книжка тяжелая, нагретая солнцем. Да смогу ли я вообще написать что-либо стоящее? Оборачиваюсь на стук Паскагулы в дверь. И тут мне в голову приходит идея.

Нет. Невозможно. Это же... против всех правил.

Но мысль не покидает меня.

²¹ Художественно-публицистическая книга Дж. Эджи Джеймса и У. Эванса о жизни трех семей в Алабаме, иллюстрированная большим количеством фотографий.

Эйбилин

Глава 7

К середине октября жара спала, на смену ей пришли настоящие холода – пятьдесят градусов²². По утрам сиденье унитаза такое холодное, что я даже вздрагиваю, когда сажусь. Они соорудили маленькую клетушку прямо в гараже. Унитаз и крошечная раковина на стене. Лампочка болтается просто на проводе. Бумагу приходится класть на пол.

Когда я работала у мисс Колье, в гараж можно было попасть, не выходя из дома. Пристроили, еще когда у них не было комнаты для прислуги. Да и спальня у меня была своя, если надо было остаться на ночь.

Во вторник в полдень я устраиваюсь со своим ланчем на заднем крыльце, прямо на бетонных ступеньках. Трава во дворе у мисс Лифолт что-то плохо растет. Тень от магнолии уже на целый ярд тянется. Деревце это, я уж знаю, станет убежищем Мэй Мобли. Лет через пять, когда девчушка начнет прятаться от мисс Лифолт.

Вскоре и Мэй Мобли вперевалочку появляется на крыльчке. В руке у нее половинка гамбургера. Улыбается мне и лепечет: «Доброе утро».

– Ты почему не с мамочкой? – спрашиваю я, но и сама знаю почему. Малышка уж лучше посидит тут, с прислугой, мамочке нет до нее дела. Она как тот цыпленок, что готов пойти даже за уткой.

Мэй Мобли показывает пальчиком на стайку лазурных птичек, щебечущих в маленьком фонтанчике.

– Дюзды! – радуется она и роняет гамбургер на ступеньки.

Старый пес Оби, на которого никто никогда не обращает внимания, выскакивает невесть откуда и жадно сжирает его. Вообще я собак не слишком люблю, но этого бедолагу жалко. Треплю его по голове. Готова спорить, с самого Рождества пса никто не приласкал.

Мэй Мобли радостно визжит и хватается пса за хвост. Пару раз ей досталось хвостом по мордашке, но потом она крепко уцепилась. Пес, бедняга, жалобно скулит, смотрит на нее эдак по-собачьи, как они умеют, приподняв брови. Кусаться он не собирается.

Чтобы она отпустила собаку, спрашиваю:

– Мэй Мобли, а где твой хвостик?

Ну и конечно, она тут же выпускает собачий хвост и оглядывается на свою попку. Ротик приоткрыт, будто Малышка удивляется, как это она не замечала его до сих пор. И крутится на месте, пытается разглядеть хвостик.

– А у тебя нет хвостика, – хохочу я и подхватываю ее на руки, пока не свалилась со ступенек. Пес обнюхивает землю в надежде найти еще один гамбургер.

Мне всегда было забавно, как это детишки верят всему, что им скажешь. На прошлой неделе по дороге в «Джитни» встретился мне Тейт Форрест, один из моих прошлых деток, ох, до чего же он обрадовался. Сейчас-то уж совсем взрослый. Я спешила к мисс Лифолт, но он все смеялся да вспоминал, как я его воспитывала. Как у него однажды ножка затекла и он сказал, что внутри щекотно, а я объяснила, что это его ножка заснула и похрапывает. И как не велела ему пить кофе, а то станет чернокожим. Он сказал, что по сей день не выпил ни чашечки кофе, а ведь ему уже двадцать один. Всегда приятно видеть, какие славные детки вырастают.

– Мэй Мобли? Мэй Мобли Лифолт!

²² 10 градусов по шкале Цельсия (в США принята шкала Фаренгейта).

Вы поглядите. Заметила наконец, что ребенка нет рядом.

– Она здесь, со мной, мисс Лифолт, – кричу я.

– Я же велела тебе кушать в своем стульчике, Мэй Мобли. Не понимаю, как могло получиться, что у всех моих подруг дети – ангелы, а у меня – ты... – Но тут звонит телефон, и она исчезает.

Смотрю на Малышку – лобик наморщила, нахмурилась, думает о чем-то. Треплю ее по щечке:

– Все хорошо, детка?

– Мэй Мо плохая, – говорит она.

Так прямо и говорит, у меня аж внутри заболело.

– Мэй Мобли, – отвечаю я, потому что понимаю – надо что-то сделать. – Ты умная девочка?

Она молчит, будто не знает.

– Ты умная девочка? – повторяю я.

– Мэй Мо умная, – соглашается она.

– Ты добрая маленькая девочка?

Она молча смотрит на меня. Ей всего два годика. Она пока и не знает, что это такое – добрая.

– Ты добрая девочка.

Малышка кивает, повторяя за мной. Но я и продолжить не успеваю, как она подскакивает и принимается гонять пса по двору и хохочет, а я думаю, что было бы, если б я каждый день говорила ей, что она хорошая?

Малышка добегает до птичьего фонтанчика и кричит мне оттуда:

– Эй, Эйби! Я люблю тебя, Эйби!

Смотрю, как она резвится, и внутри у меня так тепло, мягко, будто бабочка крылом погладила. Вот так, бывало, я и на Трилора глядела. От воспоминаний, правда, взгрустнулось.

Мэй Мобли вскоре подбегает ко мне, прижимается щечкой к моей щеке, будто чувствует, что я печалюсь. Обнимаю ее крепко, шепчу:

– Ты *умная* девочка. Ты *добрая* девочка, Мэй Мобли. Слышишь? – И говорю, и говорю, пока она не начинает повторять за мной.

Следующие несколько недель очень важны для Мэй Мобли. Вы-то, наверное, не помните, как первый раз сходили на унитаз, а не в подгузник. И уж наверное, не благодарите того, кто вас научил. Ни один из детей, которых я вырастила, не подошел ко мне и не сказал: «Эйбилин, я так тебе благодарен, что научила меня ходить на горшок».

Дело это, вообще-то, хитрое. Если попробуешь учить ребенка раньше, чем он готов, просто собьешь его с толку. Они никак не могут раскусить, в чем тут дело, и начинают плохо думать о себе. Но Малышка уже готова, я знаю. И она сама знает, что готова. Но все время дурачится и удирает от меня. Усаживаю ее на деревянное детское сиденье, чтобы маленькая попка не проваливалась, но стоит отвернуться, как она уже вскочила и бежать.

– Ты сходила, Мэй Мобли?

– Нет.

– Ты же выпила два стакана сока. Я знаю, что тебе нужно сходить.

– Нееет.

– Я тебе дам печеньице, если сделаешь это для меня.

Смотрим друг на друга. Она отводит глазки, косится на дверь. Не слышно, чтоб в унитазе что-то журчало. Обычно я могу научить их недели за две. Но это если мамы мне помогают. Маленькому мальчику нужно увидеть, что папа делает это стоя, девочки должны понять, что

мама присаживается. Но мисс Лифолт ни за что не позволит своей дочке увидеть, как мама пользуется унитазом, в этом и проблема.

– Постарайся для меня хоть немножко, Малышка.

Она мотает головой, надув губки.

Мисс Лифолт ушла делать прическу, а то бы я опять попросила ее подать пример, хотя эта женщина уже пять раз сказала «нет». Когда мисс Лифолт в прошлый раз выдала свое «нет», я готова была рассказать, сколько детишек вырастила в своей жизни, и поинтересоваться, а у нее какой опыт, но вместо этого, как всегда, ответила только «хорошо».

– Я дам тебе *два* печеньица, – предлагаю я, хотя ее мамаша вечно ворчит, что из-за меня девочка толстеет.

Мэй Мобли мотает головкой и говорит:

– Ты сама сходи.

Что ж, не могу сказать, что не слышала этого прежде, но обычно мне удается схитрить. Но я же понимаю, ей нужно посмотреть, как это делается, чтобы понять, в чем штука.

– Мне не нужно, – отвечаю.

Молчим, смотрим дружка на дружку. Она опять за свое:

– Сама сходи.

Потом она начинает ерзать и плакать, потому что на этом сиденье попке неудобно, и я понимаю, как должна поступить. Только не знаю, с какой стороны подойти. Повести ее в гараж в свой туалет или мне устроиться здесь? Что, если мисс Лифолт вернется, а я сижу на ее унитазе? У нее истерика начнется.

Надеваю Малышке обратно подгузник, и мы отправляемся в гараж. Из-за дождя здесь пахнет болотом. Лампочка горит, но все равно темно, и веселеньких обоев, как в доме, нет. Здесь, по правде, и стен-то нормальных нет, лишь деревянные щиты, сколоченные вместе. Не напугалась бы Малышка.

– Ну вот, маленькая, вот это туалет Эйбилин.

Она просовывает голову внутрь, и ротик у нее становится как буква «о». Она так и говорит:

– Оооо.

Спускаю трусы, быстро-быстро делаю свои дела, использую бумагу и дергаю за цепочку, прежде чем она успевает что-нибудь разглядеть.

– Вот так ходят в туалет, – объясняю ей.

Что ж, не могу сказать, что она сильно удивилась, будто чудо какое увидела. Отступаю в сторонку, потому что знаю, что дальше будет. Так и есть, она стаскивает подгузник и, как маленькая обезьянка, взбирается на унитаз, придерживаясь, чтобы не упасть, и делает свое пи-пи.

– Мэй Мобли! Ты сходила! Как замечательно!

Она улыбается, а я подхватываю ее, чтобы не провалилась внутрь. Потом мы бежим в дом, и я вручаю ей два печенья.

Позже я опять усаживаю ее на горшок, и она опять требует примера. Первые разы, они самые трудные. Но зато к концу дня я чувствую, что сделала серьезное дело. Она уже начинает хорошо говорить, и можете представить, какое у нее сегодня новое слово.

– Что Малышка сегодня делала?

И она гордо говорит:

– Пи-пи.

– Что напишут в исторических книгах про этот день?

– Пи-пи, – отвечает она.

Не могу удержаться:

– Чем пахнет мисс Хилли?

И она отвечает:

– Пи-пи.

Но я перевожу разговор на другое. Так все же не по-христиански, да еще, боюсь, она начнет это повторять.

Мисс Лифолт возвращается домой с высокой прической. Она сделала химическую завивку и пахнет от нее теперь пневмонией. Если пневмонию в мусорный бак положишь, хорошо помогает, любой дух перешибет.

– Знаете, что Мэй Мобли сегодня сделала? – сообщаю я. – Сходила в туалет на унитаза.

– О, как чудесно! – Она обнимает девочку, не часто я такое вижу. Знаю, она и вправду радуется, потому что мисс Лифолт *не любит* менять подгузники.

– Теперь вам нужно следить, чтобы она ходила на унитаза. А то она может запутаться, – напоминаю я.

Мисс Лифолт с улыбкой отвечает:

– Хорошо.

– Давайте попробуем, может, она сделает еще разок, специально для вас, пока я не ушла домой.

Мы все идем в ванную. Снимаю с малышки подгузник, усаживаю на унитаза. Но Малышка мотает головкой.

– Ну же, Мэй Мобли, разве ты не можешь сходить на горшочек для мамы?

– Нееет.

В конце концов ставлю ее обратно на ножки:

– Ничего, сегодня ты все равно была умницей.

Но мисс Лифолт, та надувает губы, хмыкает и мрачно смотрит на дочь. Я не успеваю надеть Малышке подгузник, как она пулей выскакивает из ванной и почти голышом мчится через весь дом. Вот она уже в кухне. Открывает заднюю дверь, влетает в гараж и тянется к ручке двери *моего* туалета. Мы спешим за ней, мисс Лифолт грозит пальцем. Голос у нее взлетает тонов на десять:

– Это не твоя ванная!

Малышка упрямо мотает головкой:

– *Моя фанна!*

Мисс Лифолт хватает ее и больно шлепает.

– Мисс Лифолт, она не понимает, что делает...

– Ступайте в дом, Эйбилин!

Заставляю себя уйти в кухню. Стою там, а дверь оставила открытой.

– Я растила тебя не для того, чтобы ты пользовалась туалетом для цветных!

Растила она! Леди, да вы вообще не растили своего ребенка.

– Здесь грязно, Мэй Мобли. Ты можешь заразиться! Нет, нет, нет! – шипит она и шлепает и шлепает по голой попке.

Через секунду мисс Лифолт втаскивает ребенка в кухню, точно это мешок картошки. Я ничего не могу поделать, только смотреть. Сердце у меня сжимается, в горле комок. Мисс Лифолт бросает Мэй Мобли на пол перед телевизором и выходит, хлопнув дверью. Крепко обнимаю Малышку. Она плачет и смотрит с ужасом, ничего не понимая.

– Прости меня, Мэй Мобли, – шепчу я и проклинаяю себя за то, что повела ее туда. Но не знаю, что еще сказать, поэтому просто обнимаю детку.

Мы сидим и смотрим с ней «Маленьких мошенников», пока не выходит мисс Лифолт и не спрашивает, не пора ли мне уходить. Сую в карман десять центов на автобус, еще разок обнимаю Мэй Мобли, шепчу ей: «Ты *умная* девочка. Ты *хорошая* девочка».

По дороге домой я не вижу больших белых домов за окном. Не болтаю с подружками. Вспоминаю, как Малышку отшлепали из-за меня. Вспоминаю, что она слушала, как мисс Лифолт назвала меня грязной, заразной.

Автобус несется по Стейт-стрит. Мы пересекаем мост Вудро Вильсона, и я сжимаю челюсти с такой силой, что едва зубы не ломаются. Чувствую, как горькое семя, поселившееся во мне после смерти Трилора, все растет и растет. Хочется закричать так громко, чтобы Малышка услышала меня, что грязь – она не в цвете кожи, а зараза – не в негритянской части города. Пусть бы этот миг не наступал – а он случается в жизни каждого белого ребенка, – когда они начинают думать, что цветные не такие хорошие, как белые.

Сворачиваем на Фэриш, я встаю, потому что мне скоро выходить. Молюсь, чтобы для нее пока не наступил этот миг. Молюсь, чтобы мне хватило времени.

Следующие недели проходят спокойно. Мэй Мобли теперь носит штанишки, как большая девочка. И неприятностей с ней почти не случается. После того, что произошло в гараже, мисс Лифолт наконец-то занялась воспитанием Мэй Мобли. Даже разрешила посмотреть, как она сама садится на унитаз, подала, так сказать, белый пример. Правда, несколько раз, когда мамы не было дома, я заставала маленькую около моего туалета. Иногда она даже успевала сходить туда, если я опаздывала сказать «нет».

– Привет, мисс Кларк.

К заднему крыльцу подходит Роберт Браун, который следит за двором мисс Лифолт. На улице хорошо и прохладно. Распахиваю дверь.

– Как поживаешь, сынок? – Похлопываю его по плечу. – Ты, говорят, работаешь в каждом доме на этой улице.

– Да, мэм. Еще пара парней помогает. – Он улыбается во весь рот.

Красивый парень, высокий. Волосы коротко стрижены. Учился в школе вместе с Трилором. Они дружили, вместе играли в бейсбол. Еще раз глажу его по плечу – мне нужно это почувствовать.

– Как бабушка?

Я люблю Ловинию, она самая добрая из людей. Они с Робертом вместе приходили на похороны. И я сразу вспоминаю, что предстоит на следующей неделе. Худший день в году.

– Крепче, чем я, – улыбается парнишка. – Я приду к вам в субботу, постригу газон.

Трилор всегда косил траву у меня во дворе. Теперь это делает Роберт, без всяких моих просьб, и никогда не берет денег за это.

– Спасибо, Роберт. Я тебе очень благодарна.

– Если вам что-нибудь будет нужно, зовите меня, ладно, мисс Кларк?

– Спасибо, сынок.

Слышу, как звонят в дверь, а у дома замечаю машину мисс Скитер. В этом месяце мисс Скитер приходит к мисс Лифолт каждую неделю, задает мне вопросы, которые присылают Мисс Мирне. Спрашивала про пятна от жесткой воды, и я посоветовала разрыхлитель для теста. Спрашивала, чем вывинтить из патрона лопнувшую лампочку, и я сказала про сырую картофелину. Спрашивала, что произошло между старой нянькой Константайн и ее матерью, и я прям похолодела. Я-то думала, коли рассказала ей немножко несколько недель назад про то, что у Константайн есть дочь, она от меня отстанет. Но мисс Скитер продолжает задавать свои вопросы. Не понимает она, почему чернокожая женщина не может растить своего белого ребенка в Миссисипи. Каково это – кошмарное одиночество, когда ты не там и не тут.

Всякий раз, как мисс Скитер заканчивает свои вопросы, как чистить то или чинить другое или насчет Константайн, мы болтаем о прочих разных вещах. Не могу сказать, что это обычное дело между мной и белыми хозяйками или их подружками. Но мало-помалу я расска-

зала ей про то, как Трилор хорошо учился, и про то, что новый дьякон действует мне на нервы своей шепелявостью. Пустяки вроде бы, но обычно я с белыми ни о чем таком не говорю.

Сегодня я пытаюсь объяснить ей разницу между чисткой серебра и очищением его в растворе – что только в дурных домах используют раствор, потому что так быстрее, но получается гораздо хуже. Мисс Скитер склоняет голову набок, чуть морщит лоб.

– Эйбилин, помните... ту идею Трилора?

Я киваю, а сама настораживаюсь. Не надо было рассказывать белой женщине о таком.

Мисс Скитер прячет глаза, как в тот раз, когда пришла со своими вопросами про отдельный туалет.

– Я все думаю об этом. И хотела бы с вами поговорить...

Но тут в кухню заходит мисс Лифолт, замечает, как Малышка играет с моей расческой, торчащей из сумочки, и заявляет, что, пожалуй, Мэй Мобли сегодня следует искупаться пораньше. Прощаюсь с мисс Скитер и отправляюсь готовить ванну.

Год я прожила в ужасе перед этим днем, и вот восьмое ноября все-таки наступило. Накануне я спала, наверное, часа два. Поднялась на рассвете, поставила кофейник на плиту. Пока натягивала чулки, спина разболелась. Не успела выйти за дверь, как зазвонил телефон.

– Просто проверить, как ты. Спала?

– Я в порядке.

– Вечером принесу тебе карамельный торт. И ты ничего больше не будешь делать – сядешь у себя на кухне и съешь его на ужин, целиком.

Пытаюсь улыбнуться, но не выходит. Просто говорю Минни спасибо.

Сегодня три года, как умер Трилор. Но в блокноте мисс Лифолт это всего лишь день мытья полов. Через две недели День благодарения, и мне еще кучу всего надо переделать. Все утро скребу и чищу, до самых двенадцатичасовых новостей. Свой сериал я пропускаю, потому что в столовой дамы обсуждают Праздник, а в их присутствии мне не положено включать телевизор. Ну и хорошо. Все мышцы у меня дрожат от усталости. Но останавливаться не хочу.

Около четырех в кухню заходит мисс Скитер. Она и рта открыть не успевает, как следом влетает мисс Лифолт.

– Эйбилин, я только что узнала, миссис Фредерикс приезжает из Гринвуда завтра и останется до Дня благодарения. Я хочу, чтобы серебро было как следует вычищено и все гостевые полотенца выстираны. Завтра я составлю список, что еще нужно сделать.

Мисс Лифолт качает головой с таким видом, будто у нее самая тяжелая жизнь в городе, и выходит вон. Иду за ней, забрать из столовой серебро. Боже, как же я устала, а нужно будет еще работать на ярмарке в следующую субботу. Минни-то не придет. Она боится столкнуться с мисс Хилли.

Когда возвращаюсь в кухню, мисс Скитер все еще там, дожидается меня. В руках у нее очередное письмо для Мисс Мирны.

– У вас вопрос насчет уборки? – вздыхаю я. – Давайте.

– На этот раз нет. Я просто... хотела спросить... на днях...

Достаю тюбик пасты «Пайн-Ола», принимаюсь начищать ею серебро – протираю тряпочкой узоры-розочки, края, ручку. Господи, сделай так, чтобы скорее настало завтра. Я не пойду на кладбище. Не могу, уж слишком тяжело...

– Эйбилин? С вами все в порядке?

Поднимаю глаза. И понимаю, что все это время мисс Скитер что-то мне говорила.

– Простите, я просто... задумалась кое о чем.

– Вы очень печальны.

– Мисс Скитер... – Чувствую, как слезы подступают к глазам, ведь три года – это совсем немного. Да и ста лет будет недостаточно. – Мисс Скитер, не возражаете, если я помогу вам с этими вопросами завтра?

Мисс Скитер открывает было рот, но сама себя останавливает.

– Ну конечно. Надеюсь, вам будет лучше.

Заканчиваю с серебром и полотенцами и говорю мисс Лифолт, что иду домой, хотя осталось еще полчаса и она за это урежет мне зарплату. Она хочет возразить, но я решаюсь солгать и шепчу: «Меня вырвало». И она тут же отвечает: «Ступайте». Потому что кроме своей матери мисс Лифолт ничего так не боится, как негритянских болезней.

– Итак, я вернусь через тридцать минут. Подъеду сюда в девять сорок пять, – говорит мисс Лифолт в окошко машины.

Мисс Лифолт подбросила меня до «Джитни», купить, что еще понадобится на завтра, на День благодарения.

– И напомни, чтоб она взяла чек, – добавляет мисс Фредерикс, противная старая мамаша мисс Лифолт.

Они втроем устроились на переднем сиденье, и Мэй Мобли зажата между ними, и вид у нее такой несчастный, что можно подумать, будто у нее приступ столбняка. Бедняжка. В этот раз мисс Фредерикс приехала аж на две недели.

– И не забудьте индейку, – распоряжается мисс Лифолт. – И две банки клюквенного соуса.

Я только улыбаюсь. Я готовлю для белых на их День благодарения еще с тех пор, как Кэлвин Кулидж был президентом²³.

– Прекрати вертеться, Мэй Мобли, – рявкает мисс Фредерикс. – Не то я тебя проучу.

– Мисс Лифолт, позвольте я возьму ее с собой в магазин. Поможет мне делать покупки.

Мисс Фредерикс собирается возразить, но мисс Лифолт говорит: «Хорошо». И не успеваю я позвать, как Малышка червячком проползает по коленям мисс Фредерикс и вылезает через окно прямо мне в руки, как к Господу Спасителю. Подхватываю ее, устраиваю поудобнее; мамаша уезжают на Фортификейшн-стрит, а мы с Малышкой хихикаем, как две подружки.

Толкаю металлическую дверь, беру тележку и устраиваю Мэй Мобли спереди, продеваю ее ножки в специальные отверстия. Мне можно делать покупки в «Джитни», пока на мне белая униформа. Но я тоскую по старым добрым временам, когда можно было просто пройтись по Фортификейшн-стрит, а там – фермеры со своими тачками, кричат «бататы, бобы, фасоль зеленая, окра, сливки, пахта, сыр, яйца». Но и в «Джитни» не так уж плохо. По крайней мере, кондиционер работает.

– Ну что ж, маленькая, давай поглядим, что нам нужно.

В овощном выбираю шесть бататов, три пучка зеленой фасоли. У мясника беру копченую свиную рульку. В магазине светло, чисто, прилавки аккуратные. Не то что в «Пиггли Виггли» для цветных, где опилки на полу. Здесь вокруг в основном белые леди, улыбающиеся, уже с прическами к завтрашнему дню. Есть, правда, и четыре-пять чернокожих служанок, все в униформе.

– Класненькое! – радуется Мэй Мобли, и я даю ей подержать банку с клюквой. Она улыбается банке, как старому приятелю. Любит Малышка «класненькое».

В бакалейном отделе беру двухфунтовый пакет соли, чтобы вымачивать индейку. Считаю часы по пальцам – десять, одиннадцать, двенадцать. Если нужно выдержать птицу в рассоле четырнадцать часов, я положу ее мочнуть сегодня часа в три. А завтра приду к мисс Лифолт к пяти утра и на шесть часов поставлю индейку в духовку. Два кукурузных хлебца я

²³ Тридцатый президент США, 1923—1929 гг.

уже испекла, оставила на столе, чтоб сделались немножко хрустящими. И яблочный пирог на подходе, только в печку поставить – и все.

– Готовишься к завтрашнему, Эйбилин?

Оборачиваюсь и вижу Френни Кутс. Она тоже ходит в нашу церковь, а работает у мисс Кэролайн в «Мэншип».

– Эй, лапочка, какие пухленькие у нас ножки, – улыбается она Мэй Мобли. Малышка облизывает банку с клюквой.

Френни наклоняется ко мне, тихо говорит:

– Слыхала, что случилось сегодня утром с внуком Ловинии Браун?

– С Робертом? Который газоны стрижет?

– Зашел в туалет для белых у «Пинчмэн, сады и газоны». Говорят, там не было таблички. Два белых мужика погнались за ним и избili монтировкой.

О нет. Только не *Роберт*.

– Он... он не?..

Френни мотает головой:

– Неизвестно. Он в больнице. Ходят слухи, что он ослеп.

– Господи, нет...

Ловиния, она же самая добрая, самая честная. После смерти дочери она в одиночку вырастила Роберта.

– Бедная Ловиния. Не понимаю, почему такие несчастья происходят с самыми лучшими людьми, – сокрушается Френни.

Нынче я работаю как безумная – режу лук и сельдерей, смешиваю заправки для салатов, чищу батат, лушу фасоль. Сегодня вечером, в половине шестого, люди собираются к Ловинии Браун, помолиться за Роберта, но к тому моменту, как я опускаю двадцатифунтовую индейку в рассол, уже едва могу руки поднять.

С готовкой заканчиваю только к шести часам, на два часа позже, чем обычно. Сил даже постучать в двери Ловинии не осталось. Я зайду к ней завтра, после того как разберусь с индейкой. Бреду домой от автобусной остановки, еле волоча ноги, глаза на ходу закрываются. Сворачиваю за угол на Гессум. Перед моим домом стоит большой белый «кадиллак». А на крыльце сидит мисс Скитер, в красном платье и красных туфлях – только быков дразнить.

Через двор иду очень медленно, все гадаю, что бы это значило. Мисс Скитер встает, прижимая к себе сумочку, словно боится, что ее вырвут из рук. Белые у нас редко появляются, если только когда прислугу подвезут, да оно и к лучшему. Я весь день толкусь среди белых и не хочу видеть их еще и в своем собственном доме.

– Я надеялась, вы не станете возражать, что я приехала, – начинает она. – Просто... не знаю, где еще мы могли бы поговорить.

Присаживаюсь на крылечко, каждый позвонок у меня болит. Малышка так нервничала из-за своей бабули, что описалась прямо на меня, и теперь от меня пахнет. На улице полно народу – люди идут к Ловинии молиться за Роберта, детишки играют в футбол. Все смотрят на нас и, наверное, думают, что меня уволили.

– Да, мэм, – вздыхаю я. – Что я могу для вас сделать?

– У меня есть идея. Я хочу написать кое о чем. Но мне нужна ваша помощь.

Мне нравится мисс Скитер, но это уж чересчур. Могла бы и по телефону сперва позвонить. К белой леди она, поди, вот так без звонка не заявила бы. Но вот, смотри-ка, устраивается тут на крыльце, будто имеет право влезать в мою личную жизнь.

– Я хотела бы взять у вас интервью. О том, каково это – работать прислугой.

Красный мячик закатывается ко мне во двор. Мальчонка Джоунсов вбегает следом за ним. Видит мисс Скитер и замирает на месте. Потом торопливо хватается за мяч, разворачивается и бросается прочь, будто боится, что она за ним погонится.

– Что-то вроде колонки Мисс Мирны? – спрашиваю я без всякого выражения – голос плоский, что твоя сковородка. – Насчет уборки?

– Нет, не как у Мисс Мирны. Я имею в виду книгу, – говорит она, а глаза такие огромные – волнуется. – Рассказы о том, что значит работать в белых семьях. Каково это – работать у... скажем, Элизабет.

Поворачиваюсь к ней. Об этом-то она и пыталась расспрашивать меня последние две недели в кухне мисс Лифолт.

– Думаете, мисс Лифолт согласится? Чтоб я рассказывала о ней?

Мисс Скитер опускает глаза:

– Признаться, нет. Я полагала, мы не станем ничего ей говорить. И я хотела бы, чтобы остальные тоже держали это в тайне.

Озадаченно потираю лоб, начиная понимать, о чем речь.

– Остальные?

– Я надеялась, что их будет четыре или пять. Чтобы представить полную картину жизни прислуги в Джексоне.

Испуганно озираюсь. Мы сидим у всех на виду. Она что, не понимает, как это опасно, даже говорить об этом, когда кто угодно может нас заметить?

– А что именно вы хотели бы от них услышать?

– Сколько вам платят, как с вами обращаются, насчет туалетов, детей – все, что вы видите, дурное и хорошее.

Она так взволнована, будто это игра такая. На миг я до того разозлилась, что даже забыла об усталости.

– Мисс Скитер, – шепчу я, – а вам не кажется, что это может быть опасно?

– Нет, если мы будем осторожны...

– Ой, умоляю вас. Знаете, что со мной будет, если мисс Лифолт узнает, что я судачу о ней за ее спиной?

– Мы ей ничего не скажем. Вообще никому. – Она понижает голос, но совсем немножко: – Это будут анонимные интервью.

Молча смотрю на нее. Она что, ненормальная?

– Вы слышали, что произошло сегодня утром с чернокожим пареньком? Его избили монтировкой за то, что он *по ошибке* зашел в туалет для белых.

Она растерянно моргает:

– Я, конечно, знаю, что положение сложное, но не думала...

– А моя кузина Шайнель из округа Коутер? Ее машину сожгли – за то, что она *зарегистрировалась* на избирательном участке.

– Никто прежде не писал такой книги... – лепечет она, наконец-то шепотом. Видать, начинает кое-что понимать. – Мы откроем новую тему. Это ведь такие перспективы...

Несколько служанок в униформе идут мимо моего дома. Косятся на меня, явно гадая, чего это я сижу на ступеньках рядом с белой женщиной. С досады стискиваю зубы. Вечером телефон будет разрываться от звонков.

– Мисс Скитер, – медленно, чтобы дошло, произношу я. – Если я это сделаю, могут сжечь мой собственный дом.

Мисс Скитер начинает грызть ноготь.

– Но я уже... – И прикрывает глаза.

Хочется спросить, что именно она *«уже»*, но боязно услышать ответ. Она роется в сумочке, достает листок бумаги, пишет на нем номер телефона.

– Но вы можете хотя бы подумать об этом?

Вновь вздыхаю, не отводя взгляда от двора. Как могу мягко отвечаю:

– Нет, мэм.

Она кладет листок на крыльцо между нами, встает и идет к своему «кадиллаку». Я слишком устала, чтобы подняться. Просто гляжу, как машина медленно едет по улице. Мальчишки, играющие в мяч, отбегают в сторонку и тихо стоят, будто похоронную процессию провожают.

Мисс Скитер

Глава 8

Медленно еду по Гессум-авеню в мамином «кадиллаке». Маленький черный мальчик в брезентовом комбинезончике, сжимая в руках красный мяч, провожает меня глазами. Смотрю в зеркало заднего вида. Эйбилин в своей белой униформе по-прежнему сидит на крыльце. Она даже не отвела взгляда от желтой проплешины на газоне, произнося свое «*Нет, мэм*».

Я-то думала, это будет похоже на визит к Константайн, когда чернокожие дружелюбно махали руками и улыбались, радуясь маленькой белой девочке, чей папа владеет большой фермой. Но здесь я встречаю лишь настороженные недобрые взгляды. Мальчик разворачивается и спешит спрятаться за домом, перед которым собралось человек шесть чернокожих с сумками и подносами в руках. Нужно придумать что-нибудь, что поможет убедить Эйбилин.

Неделю назад ко мне постучалась Паскагула:

– Мисс Скитер, междугородный звонок, вас спрашивают. Мисс... Штерн, кажется?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.